

Суббота, 6-го февраля 1830.

Обѣдалъ у г-жи фонъ-Гете. Молодой Гете разсказалъ милый анекдотъ о своей бабушкѣ, госпожѣ совѣтницѣ Гете изъ Франкфурта, у которой онъ гостилъ двадцать лѣтъ назадъ, еще студентомъ. Онъ вмѣстѣ съ нею былъ приглашенъ на обѣдъ къ князю примасу. Князь, изъ особой вѣжливости, вышелъ на лѣстницу для встрѣчи госпожи совѣтницы; онъ былъ въ своей обычной духовной одеждѣ, и она, принявъ его за простого аббата, не обратила на него особаго вниманія. Точно также, сидя подлѣ него за столомъ, она даже не взглянула на него. Въ теченіе обѣда, по обращенію другихъ гостей, она мало-по-малу догадалась, что это примасъ. Затѣмъ князь предложилъ тостъ за нее и ея сына; тогда госпожа совѣтница встала и предложила выпить за здоровье его высочества.

Среда, 10-го февраля 1830.

Обѣдалъ у Гете. Онъ весьма хвалилъ стихи Римера на праздникъ 2-го февраля¹⁾. «Все что пишетъ Римеръ», сказалъ притомъ Гете, «можно показать и мастеру, и подмастерьямъ».

Затѣмъ мы говорили о *Классической Вальпуріевой ночи*. Гете самъ изумляется тому, что у него порой выходитъ. Точно также между отдѣльными частями проявляется больше связи, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Я уже написалъ больше половины, сказалъ онъ,—но не стану отрывать отъ работы и надѣюсь все окончить къ Пасхѣ. Раньше я вамъ ничего не покажу, но, когда все будетъ готово, я дамъ вамъ

¹⁾ День рожденія великаго герцога.

рукопись на домъ, чтобъ вы могли прочесть на свободѣ. Если вы подготовите тридцать восьмой и тридцать девятый томы настолько, чтобъ на Пасхѣ мы могли отослать послѣдній выпускъ въ печать, то лѣто у насъ будетъ свободно для большой работы. Я буду продолжать *Фауста* и постараюсь одолѣть четвертый актъ.

Я очень порадовался этому и обѣщалъ ему полное содѣйствіе со своей стороны. Затѣмъ Гете послалъ слугу, чтобъ узнать о здоровьѣ великой герцогини-матери: она сильно заболѣла и ея состояніе внушаетъ опасенія.

— Ей не слѣдовало смотрѣть на маскарадную процессію, сказалъ онъ;—но царственные особы привыкли поступать по своей волѣ, и всѣ настоянія двора и врачей оказались тщетными. Та же сила воли, которая заставляла ее сопротивляться Наполеону ¹⁾, теперь вооружаетъ ее противъ тѣлесной слабости; и вотъ я предвижу, что и она уйдетъ отъ насъ, какъ великій герцогъ, владѣя полной силою духа, когда тѣло уже откажется повиноваться.

Гете повидимому былъ взволнованъ, и замолчалъ на минуту. Затѣмъ мы снова заговорили о безпечальныхъ вещахъ, и онъ сталъ рассказывать о книгѣ, написанной въ защиту Гудсона Лоу.

— Въ ней есть драгоцѣнныя черты, которые могутъ быть переданы только непосредственными свидѣте-

¹⁾ Послѣ сраженія при Іенѣ, Веймаръ былъ бомбардированъ и разграбленъ; герцогиня Луиза, однако, отказалась выѣзжать изъ дворца. Тамъ она приняла Наполеона, который невольно подивился ея твердости и спокойствію. Безъ сомнѣнія, Веймаръ и все герцогство обязаны ей тѣмъ, что уцѣлѣли отъ полного разграбленія. Наполеонъ былъ въ то время весьма сильно раздраженъ противъ Карла-Августа.

лями, сказалъ онъ. — Вы знаете, что Наполеонъ обыкновенно ходилъ въ темнозеленомъ мундирѣ. Отъ долгой носки и солнца онъ совсѣмъ выцвѣлъ, и явилась необходимость замѣнить его другимъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать мундиръ такого же темнозеленаго цвѣта, но на островѣ не оказалось подходящаго сукна; было, правда, зеленое сукно, но нечистаго цвѣта, съ желтоватымъ отливомъ. Властелину вселенной не хотѣлось облечь свое тѣло въ такой цвѣтъ, и пришлось приказать вывернуть старый мундиръ, и ходить въ немъ. Чтò вы скажете? Не правда ли вполне трагическая черта? Не трогательно ли, что повелитель королей дошелъ наконецъ до того, что былъ принужденъ ходить въ вывороченномъ мундирѣ? А все же, если вспомнить, что такой конецъ постигъ человѣка, который топталъ ногами жизнь и счастье миллионовъ, то окажется, что судьба, воспротивясь ему, была къ нему слишкомъ снисходительна; Немезида, въ уваженіе къ величію героя, была съ нимъ вѣжлива. Наполеонъ служить примѣромъ, какъ опасно возвышаться къ абсолютному и жертвовать всѣмъ для осуществленія идеи.

* Среда, 10-го февраля 1830.

Сегодня послѣ обѣда я заходилъ на минутку къ Гете. Онъ радовался, что приближается весна и дни снова становятся длиннѣе. Затѣмъ мы говорили о теоріи цвѣтовъ. Онъ, повидимому, сомнѣвается въ возможности успѣха своей простой теоріи. «Заблужденія моихъ противниковъ», сказалъ онъ, «всюду распространились въ теченіе вѣка, и мнѣ трудно надѣяться, что я на моемъ уединенномъ пути найду со-товарища. Я останусь одинокимъ! Я сравниваю себя

съ человѣкомъ, который во время кораблекрушенія схватился за доску, которая можетъ поднять только одного. Онъ одинъ и спасается, а всѣ остальные горестно тонуть».

* Воскресенье, 14-го февраля 1830.

Сегодня былъ печальный день для Веймара; въ два часа пополудни умерла великая герцогиня Луиза. Царствующая великая герцогиня приказала мнѣ навѣстить фрейлину фонъ-Вальднеръ и Гете.

Я сначала отправился въ фрейлинъ фонъ-Вальднеръ. Я засталъ ее въ слезахъ и глубокой горести; она вполнѣ отдалась чувству понесенной потери. «Я была на службѣ покойной государыни болѣе пятидесяти лѣтъ; она сама выбрала меня во фрейлины, и этотъ свободный выборъ былъ моей гордостью и моимъ счастьемъ. Я оставила родину, чтобъ служить ей. Лучше-бъ она и теперь взяла меня съ собою, чтобъ мнѣ не вздыхать здѣсь о будущемъ соединеніи съ нею».

Затѣмъ я пошелъ къ Гете, и засталъ его въ совершенно иномъ положеніи! Онъ, конечно, не мнѣ глубоко чувствовалъ постигшую его потерю, но являлся полнымъ властелиномъ своихъ чувствъ. Я засталъ его еще за столомъ, съ однимъ изъ друзей; они пили вино. Онъ живо разговаривалъ, и казалось, былъ въ веселомъ настроеніи. «Ну, пожалуйста, садитесь!» сказалъ онъ, увидѣвъ меня. «Ударъ, который намъ долго грозилъ, наконецъ разразился, и намъ по крайней мѣрѣ не приходится бороться съ жестокой неизвѣстностью. Теперь намъ надо рѣшить, какъ распорядиться съ жизнью».

— Вотъ ваши утѣшители, сказалъ я, указывая

на его бумаги.—Работа лучшее средство. чтобъ под-
держатъ себя въ горѣ.

— Пока будетъ день, мы станемъ высоко дер-
жать голову, отвѣчалъ онъ,—и пока мы будемъ въ
состояніи производить, не станемъ сидѣть сложа руки,

Затѣмъ онъ заговорилъ о лицахъ, достигавшихъ
глубокой старости, и упомянулъ о знаменитой Ни-
нонѣ.

— На девяностомъ году, она была еще молода,
сказалъ онъ;—но она умѣла поддерживать въ себѣ
равновѣсіе, и не заботилась о земныхъ дѣлахъ бо-
лѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Даже смерть не внушала ей
чрезмѣрнаго почтенія. Когда, восемнадцати лѣтъ,
она оправилась отъ тяжелой болѣзни, и окружаю-
щіе стали говорить объ опасности, которой она
подвергалась, она весьма спокойно отвѣчала: «Хо-
рошо; что жъ дальше? развѣ послѣ меня на землѣ
остались бы только безсмертные?» Она прожила за-
тѣмъ еще семьдесятъ лѣтъ, любила и была достойна
любви, и насладилась всѣми радостями жизни, и
всегда со свойственнымъ ей спокойствіемъ духа воз-
вышалась надъ изнуряющими насъ сильными стра-
стями. Нинонъ понимала это; немногіе умѣютъ слѣ-
довать ей.

Затѣмъ онъ подалъ мнѣ полученное имъ сегодня
письмо отъ короля Баварскаго, которое, вѣроятно,
способствовало его бодрому настроенію. «Прочтите»,
сказалъ онъ, «и согласитесь, что благоволеніе, по-
стоянно мнѣ оказываемое королемъ, и живой ин-
тересъ, который онъ принимаетъ въ успѣхахъ ли-
тературы и высшемъ человѣческомъ развитіи,—спо-
собны исполнить меня радости. И я благодарю небо,
какъ за особый даръ, за то, что это письмо полу-
чилъ именно сегодня».

Дальше мы говорили о театрѣ и драматической литературѣ. «Гоцци утверждалъ, что существуетъ всего тридцать шесть трагическихъ положеній», сказалъ Гете. «Шиллеръ немало трудился, чтобъ найти ихъ больше, но не могъ насчитать и столько, сколько Гоцци».

Это навело разговоръ на *le Globe*, и именно на критическій разборъ *Густава Вазы* Арно. Приѣмъ и манера рецензента очень понравились Гете, и заслужили его полное одобреніе. Именно, критикъ ограничился тѣмъ, что указалъ всѣ позаимствованія автора, не затрагивая больше ни его, ни его поэтическихъ принциповъ. Критикъ въ *Le Temps*, продолжалъ Гете, «поступилъ не такъ умно. Онъ вздумалъ указать поэту путь, которому онъ долженъ бы слѣдовать. Это большая ошибка, потому что такимъ образомъ его не исправить. Вообще, нѣтъ ничего глупѣе, какъ говорить поэту: это слѣдовало бы тебѣ сдѣлать такъ, а то вотъ этакъ! Я говорю въ качествѣ стараго знатока. Изъ поэта нельзя сдѣлать ничего иного, кромѣ того, къ чему онъ способенъ отъ природы. Если вы будете принуждать его стать инымъ, вы его уничтожите.—Мои друзья изъ *le Globe* поступили, повторяю, весьма умно; они составили длинный списокъ всѣхъ общихъ мѣстъ, которыя г. Арно нахваталъ отовсюду; вслѣдствіе этого обозначается весьма ясно тотъ подводный камень, котораго автору слѣдуетъ остерегаться на будущее время. Въ наше время почти невозможно найти положенія, которое было бы вполне ново. Новыми могутъ быть только воззрѣнія автора и искусство, съ какимъ онъ ихъ обрабатываетъ и изображаетъ, и въ этомъ именно и слѣдуетъ остерегаться отъ всякаго подраженія».

Затѣмъ Гете разсказывалъ, какимъ образомъ Гоцци учредилъ въ Венеціи свой театръ dell'arte¹⁾, и какъ любили эту труппу импровизаторовъ. «Я еще видѣлъ въ Венеціи двухъ актрисъ изъ этой труппы, особенно *Brighella*, и присутствовалъ на представленіи многихъ импровизированныхъ піесъ. Впечатлѣніе, производимое этими актерами, было необыкновенно».

Затѣмъ Гете заговорилъ о неапольскомъ пульчинелло. «Одна изъ главныхъ шутокъ этого низкогомического лица», сказалъ онъ, «состояла въ томъ, что онъ порою какъ будто вдругъ на сценѣ забывалъ, что онъ играетъ. Онъ представлялъ, будто возвращается домой, говоритъ откровенно съ семействомъ, разсказываетъ имъ о піесѣ, въ которой участвовалъ, и о другой, въ которой еще будетъ играть; онъ не стѣснялся и принимался безпрепятственно за исполненіе нѣкоторыхъ небольшихъ нуждъ. «Но, муженекъ», вскрикивала при этомъ жена, «ты, кажется, совсѣмъ забылся; вспомни о почтенномъ обществѣ, передъ которымъ ты теперь». — «È vero! È vero!» отвѣчалъ пульчинелло, какъ будто вдругъ опомнясь, и затѣмъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики, возвращался къ прерванной роли. Театръ пульчинелло, впрочемъ, пользуется такой славой, что никто въ порядочномъ обществѣ не хвалится тѣмъ, что былъ тамъ. Женщины, разумѣется, туда не ходятъ; онъ посѣщается только мужчинами. Пульчинелло представляетъ что-то въ родѣ живой газеты. Отъ него можно услышать вечеромъ о всемъ,

¹⁾ Въ этомъ театрѣ актерамъ давалась только программа піесы и указывалось положеніе лицъ, а діалоги импровизировались ими самими.

что случилось днемъ въ Неаполѣ. Эти мѣстные интересы и народное нарѣчіе производятъ то, что иностранцу почти невозможно понять, о чемъ идетъ рѣчь».

Гете перешелъ къ другимъ воспоминаніямъ. Онъ говорилъ о своемъ недоверіи къ бумажнымъ деньгамъ. Въ видѣ подтвержденія, онъ намъ разсказалъ анекдотъ изъ временъ французской революціи, слышанный имъ отъ Гримма, когда тотъ нашелъ, что безопаснѣе уѣхать изъ Парижа и, возвратясь въ Германію, жить въ Готѣ.

«Разъ мы обѣдали у Гримма», разсказывалъ Гете. «Я уже не помню, по какому именно поводу, только Гриммъ вдругъ воскликнулъ: «Бьюсь объ закладъ, что ни у одного изъ европейскихъ монарховъ нѣтъ пары манжетъ дороже, чѣмъ у меня, и что никто не платилъ за нихъ дороже моего». Понятно, что мы громко выразили удивленіе и недоверіе, особенно дамы, и что всѣмъ намъ было любопытно взглянуть на эту пару удивительныхъ манжетъ. Гриммъ всталъ и вынулъ изъ комода пару такихъ великолѣпныхъ кружевныхъ манжетъ, что мы стали громко восторгаться. Мы старались оцѣнить ихъ, но никакъ не давали за нихъ болѣе ста, или двухъ сотъ лудировъ. Гриммъ засмѣялся и сказалъ: «Далеко же вамъ до цѣли! Я заплатилъ за нихъ *триста тысячъ франковъ*, да еще былъ радъ, что такъ выгодно пристроилъ ассигнаціи. На другой день за нихъ ужъ ни гроша не давали».

Воскресенье, 14-го февраля 1830.

Сегодня по дорогѣ къ Гете, который пригласилъ меня на обѣдъ, я узналъ о только-что совершившейся кончинѣ великой герцогини-матери. Первой

моей мыслью было, какъ это подѣйствуетъ на Гете въ его преклонныхъ годахъ, и я не безъ опасенія подходилъ къ его дому. Прислуга сказала мнѣ, что къ нему сейчасъ прошла невѣстка, чтобъ сообщить печальную новость. «Онъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ былъ близокъ къ герцогинѣ», думалъ я, «онъ пользовался ея особой благосклонностью и милостью: ея смерть должна глубоко взволновать его». Съ такими мыслями вошелъ я къ нему въ комнату; я былъ немало пораженъ, увидавъ что онъ вполне бодръ и здоровъ, сидитъ за столомъ съ невѣсткой и внуками, и ѣстъ супъ, какъ будто ничего и не случилось. Мы вполне беззаботно разговаривали о разныхъ постороннихъ вещахъ. Вдругъ начался перезвонъ колоколовъ; г-жа фонъ-Гете взглянула на меня и мы заговорили громче, боясь что зауспокойный звонъ встревожитъ и потрясетъ его; мы думали, что онъ чувствуетъ также, какъ мы. Но онъ чувствовалъ не какъ мы; въ его душѣ все отражалось иначе. Онъ сидѣлъ передъ нами, какъ высшее существо, которому недоступны земныя страданія. Доложили о придворномъ совѣтникѣ Фогелѣ; онъ подѣлъ къ намъ и разсказалъ обстоятельства смерти высокой покойницы; Гете слушалъ съ прежнимъ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ. Фогель ушелъ; мы продолжали обѣдать и разговаривать. Много говорили о Хаосъ¹⁾, и Гете назвалъ превосходными разсужденія объ игрѣ, въ послѣднемъ номерѣ. Когда ушла г-жа фонъ-Гете съ сыновьями, я остался одинъ съ Гете. Онъ мнѣ разсказывалъ о своей *Классической Вальпуріевой ночи*, что она подвигается съ каждымъ днемъ и что ему эта стран-

¹⁾ Веймарскій журналъ. См. ниже, подъ 5-мъ апрѣля 1830.

ная сцена удастся выше мѣры. Вошелъ придворный совѣтникъ Сорэ ¹⁾, и подѣлъ къ намъ. Онъ передалъ Гете успокаивающія и утѣшительныя слова Ея Императорскаго Высочества, и они привели Гете въ еще болѣе бодрое настроеніе. Гете продолжалъ говорить; онъ вспомнилъ о Нинонъ де Ланкло... ²⁾.

* Понедѣльникъ, 15-го февраля 1830.

Сегодня передъ обѣдомъ я на минутку заходилъ къ Гете, чтобъ освѣдомиться отъ имени великой герцогини о его здоровьѣ. Онъ былъ печаленъ и задумчивъ; не осталось и слѣда отъ вчерашняго, нѣсколько насильственного, возбужденія. Казалось, нынче онъ глубоко чувствуетъ пустоту, образовавшуюся вслѣдствіе смерти пятидесятилѣтняго друга. «Я принуждаю себя работать», сказалъ онъ, «чтобъ не свалиться и твердо перенести эту внезапную разлуку. Въ смерти есть нѣчто до того странное, что мы, не взирая на опытъ, считаемъ ее невозможной для дорогого намъ лица; она всегда наступаетъ какъ нѣчто невѣроятное и неожиданное. Она до нѣкоторой степени—невозможность, вдругъ становящаяся дѣйствительностью. И въ этомъ переходѣ отъ существованія, намъ извѣстнаго, къ другому, о которомъ мы ровно ничего не знаемъ, есть нѣчто до того насильственное, что для остающихся оно не проходитъ безъ глубочайшаго потрясенія».

¹⁾ Въ этотъ же день, но позже, канцлеръ Мюллеръ заходилъ къ Гете и, просидѣвъ около часу, замѣтилъ, что Гете былъ покоенъ и говорилъ мало.

²⁾ Далѣе Эккерманнъ вкратцѣ передаетъ уже извѣстное читателю въ болѣе обстоятельномъ изложеніи Сорэ.

Среда, 17-го февраля 1830.

Мы говорили о театрѣ, именно о цвѣтѣ декораций и костюмовъ. Результатъ былъ слѣдующій:

«Вообще, декорации должны имѣть тонъ, благопріятный для костюмовъ, которые находятся на переднемъ планѣ: таковы декорации Бентера; всѣ онѣ болѣе или менѣе впадаютъ въ коричневатый тонъ, на которомъ цвѣта матерій рисуются во всей ихъ свѣжести. Когда же декораторъ принужденъ отступить отъ такого благопріятнаго неопредѣленнаго тона, и ему приходится рисовать, на примѣръ, красную и желтую комнату, бѣлую палатку, или зеленый садъ, то актерамъ слѣдуетъ благоразумно избѣгать тѣхъ же цвѣтовъ въ костюмѣ. На примѣръ, если актеръ въ красномъ мундирѣ и зеленыхъ брюкахъ войдетъ въ красную комнату, то туловище у него исчезнетъ и будутъ видны однѣ ноги; если въ томъ же костюмѣ онъ явится въ зеленомъ саду, то исчезнутъ ноги, а корпусъ выдѣлится слишкомъ рѣзко. Я видѣлъ одного актера въ бѣломъ мундирѣ и совершенно темныхъ брюкахъ; туловище его совершенно сливалось съ бѣлой палаткой, а ноги съ темной глубиной сцены. И въ томъ случаѣ», добавилъ Гете, «когда декоратору приходится рисовать красную или желтую комнату, или зеленый лѣсъ или лугъ, онъ долженъ стараться, чтобъ цвѣта были слабые и туманные, тогда всякій костюмъ на переднемъ планѣ будетъ выдѣляться и производить надлежащее впечатлѣніе».

Мы говорили объ *Иліадѣ*, и Гете обратилъ мое вниманіе на то, какъ хорошо, что Ахиллъ нѣкоторое время остается въ бездѣйствіи; благодаря этому, могутъ выступить и развиваться другіе герои.

О своемъ *Избирательномъ средствѣ* онъ замѣтилъ, что въ романѣ нѣтъ ни одной черты, которой онъ не пережилъ бы, но также ничто не изображено въ томъ видѣ, какъ онъ пережилъ.

Послѣ обѣда мы разсматривали портфель съ гра-
вюрами нидерландской школы. Видъ части гавани,
гдѣ на одной сторонѣ матросы набираютъ свѣжей
воды, а на другой играютъ въ кости на бочкѣ, далъ
поводъ къ прекрасному замѣчанію, какъ слѣдуетъ
устранять реальное, чтобъ не повредить впечатлѣ-
нію. На дно бочки падаетъ сильный свѣтъ; кости
брошены, какъ то видно по жестамъ матросовъ, но
они не нарисованы на бочечномъ днѣ, потому что
прерывали бы свѣтъ и повредили впечатлѣнію.

Затѣмъ мы разсматривали этюды Рюисдала къ его
Кладбищу, доказывающіе, какъ трудился этотъ ма-
стеръ.

Воскресенье, 21-го февраля 1830.

Обѣдалъ у Гете.

— Я рѣшился, сказалъ Гете,—по крайней мѣрѣ
съ мѣсяцъ не читать ни *le Globe*, ни *le Temps*. Дѣла
стоятъ такъ, что въ теченіе этого времени что ни-
будь случится, и я стану выжидать, пока до меня
дойдутъ о томъ вѣсти. Моя *Классическая Вальпур-
іева ночь* выиграетъ отъ этого, и сверхъ того вѣдь
это все интересы, которые ничего вамъ не даютъ;
о нихъ во множествѣ случаевъ потомъ и не вспо-
мнишь¹⁾.

¹⁾ 29-го апрѣля 1830 г. Гете писалъ, между прочимъ, Цель-
теру: «Уже шесть мѣсяцевъ, какъ я оставляю подъ банде-
ролю французскія и нѣмецкія газеты, я не могу выразить,
какъ отъ того выиграли и я самъ, и все, что я дѣлаю... Го-
воря прямо, обращать вниманіе на то, что не наше дѣло, для

Затѣмъ онъ показалъ мнѣ поразившее его письмо Буассерэ изъ Мюнхена; я также прочелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Буассерэ говоритъ особенно о *Второмъ пребываніи въ Римѣ*, а равно о нѣкоторыхъ статьяхъ въ послѣдней тетради *Искусство и Древность*. Онъ судитъ и благосклонно, и основательно; по этому поводу мы говорили о рѣдкомъ образованіи и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка.

Гете рассказывалъ мнѣ о прекрасно задуманной и исполненной новой картинѣ фонъ-Корнеліуса; онъ замѣтилъ, что композиція картины послужила поводомъ къ проявленію хорошаго колорита.

Среда, 24-го февраля 1830.

Обѣдалъ у Гете. Мы говорили о Гомерѣ. Я замѣтилъ, что у него боги оказываютъ непосредственное вліяніе на дѣла. «Въ этомъ есть необыкновенная нѣжность и человѣчность», сказалъ Гете, «и я благодарю Бога, что прошли уже тѣ времена, когда французы называли это воздѣйствіе боговъ *une machine érique!* Конечно, на то, чтобъ французы смогли почувствовать необыкновенныя достоинства Гомера

частнаго лица — чистѣйшее филистерство». — Между мыслями Гете встрѣчается такая замѣтка: «Когда нѣсколько мѣсяцевъ не читаешь газетъ, и затѣмъ прочитаешь ихъ сразу, то видишь, сколько времени тратишь на нихъ задаромъ. Мірѣ всегда дѣлился на партіи; теперь же въ особенности; во время всякаго сомнительнаго кризиса, журналисты болѣе или менѣе льстятъ той или другой партіи; они доставляютъ пищу для любви и ненависти, пока не настанетъ рѣшительный день; тогда не остается ничего болѣе, какъ съ удивленіемъ созерцать совершившійся фактъ, явившійся какъ нѣкоторое божество». Въ другомъ мѣстѣ, ежедневное чтеніе газетъ онъ называетъ *шэндизмомъ*.

понадобилось известное время, потому что для этого требовалось полное измѣненіе ихъ культуры».

Затѣмъ Гете сказалъ мнѣ, что прибавилъ одну черту въ сценѣ появленія Елены, чтобъ еще возвысить ея красоту, и что эта черта вызвана моимъ замѣчаніемъ и дѣлаетъ честь моему вкусу.

Послѣ обѣда Гете показалъ мнѣ набросокъ картины Корнелиуса; она изображаетъ Орфея, желающаго освободить Евридику, передъ трономъ Плутона. Картина хорошо обдумана и частности выполнены прекрасно, но она не удовлетворяетъ въ цѣломъ и не доставляетъ истиннаго удовольствія. Быть можетъ, разсуждали мы, краски внесутъ въ нее больше гармоніи; быть можетъ, лучше бы взять слѣдующій моментъ, когда Орфей уже почти одержалъ побѣду надъ сердцемъ Плутона и тотъ почти готовъ возвратить Евридику. Тогда бы въ положеніи не было такого полного ожиданія напряженія; оно производило бы впечатлѣніе полной удовлетворенности.

Среда, 3-го марта 1830.

До обѣда мы съ Гете ѣздили прогуляться. Онъ благосклонно отозвался о моемъ стихотвореніи, относящемся къ королю баварскому, причемъ замѣтилъ, что лордъ Байронъ благодѣтельно подѣйствовалъ на меня. Но мнѣ недостаетъ того, что называется *convenance* и въ чемъ былъ такъ великъ Вольтеръ. Онъ совѣтовалъ мнѣ принять его за образецъ.

За обѣдомъ мы много говорили о Виландѣ, особенно о его *Оберонѣ*. Гете того мнѣнія, что основа въ этой поэмѣ слаба, и планъ недостаточно обдуманъ. Нельзя назвать удачной мыслью, что потребовался духъ ради того, чтобы отростить бороду и

коренные зубы, особенно потому что герой находится при этомъ въ полномъ бездѣйствіи. Но прелестное, образное и остроумное изображеніе великаго поэта доставляетъ такое удовольствіе, что читатель не думаетъ о сюжетѣ.

Мы говорили о многомъ, и вновь договорились до *энтелехіи*. «По моему, доказательствомъ того, что нѣчто подобное существуетъ», сказалъ Гете, «служить жестоковѣйность индивидуальныхъ характеровъ, и то обстоятельство, что человѣкъ отбрасываетъ все, что ему не подходитъ». У меня была подобная же мысль, и я хотѣлъ ее высказать, а потому мнѣ слова Гете показались вдвое дороже. «У Лейбница», продолжалъ онъ, «было подобное же представленіе о такихъ самостоятельныхъ существахъ, только то, что мы зовемъ энтелехіей, онъ звалъ монадой».

* Воскресенье, 7-го марта 1830.

Близкая родственница женщины, въ которую Гете былъ влюбленъ въ молодости, m-lle фонъ-Тюрнгеймъ, пробыла нѣкоторое время въ Веймарѣ. Я сегодня сказалъ Гете, что ея отъѣздъ опечалилъ меня.

— Она такъ молода, сказалъ я,—и у нея такія возвышенныя чувства и такой зрѣлый умъ, какіе рѣдко встрѣчаются въ этомъ возрастѣ. Ея пріѣздъ произвелъ большое впечатлѣніе въ Веймарѣ. Останься она здѣсь долѣе, она стала бы опасной для многихъ.

— Я весьма сожалею, сказалъ Гете — что видѣлъ ее не чаще, и вначалѣ постоянно откладывалъ и не приглашалъ ея; мнѣ хотѣлось въ спокойномъ состояніи духа поговорить съ нею, и найти въ ней милыя черты ея родственницы. Четвертый томъ *Правды и поэзіи*, гдѣ разсказана исторія счастья и страданія

моей любви къ Лили, недавно оконченъ. Я давно бы написалъ и издалъ ее, еслибъ мнѣ не мѣшали нѣкоторыя деликатныя соображенія, и не относительно себя самого, а по отношенію къ моей возлюбленной, которая была еще жива. Я съ гордостью сказалъ бы всему міру, какъ сильно я любилъ ее; думаю, что и она не покраснѣла бы, подтверждая, что отвѣчала моей склонности. Но имѣлъ ли я право сказать это всенародно безъ ея согласія? У меня было постоянное намѣреніе попросить у нея дозволенія; но я все медлилъ, пока оно не стало излишнимъ.—Вы, говоря съ такимъ участіемъ о милой дѣвушкѣ, которая недавно уѣхала отъ насъ, разбудили во мнѣ всѣ старыя воспоминанія. Я вновь какъ живую вижу передъ собою восхитительную Лили, и точно чувствую благоуханіе ея благодатной близости. Дѣйствительно, ее первую я полюбилъ глубоко и правдиво. Можно сказать, что она была и послѣдней; всѣ другія небольшія влюбленности, которыя волновали меня въ теченіе жизни, въ сравненіи съ первой любовью, были легковѣсны и поверхностны.—Я никогда не былъ такъ близокъ къ своему собственному счастью, какъ въ то время, когда любилъ Лили. Обстоятельства, разлучившія насъ, въ сущности не были непреодолимы, —и все-таки я лишился ея! Въ моей любви къ ней было нѣчто столь деликатное, столь особенное, что оно и теперь повліяло на мой стиль при изображеніи того горестно-счастливаго времени. Когда вы станете читать четвертый томъ *Правды и поэзіи*, то увидите, что эта любовь вовсе не похожа на любовь въ романахъ.

— То же, возразилъ я,—можно сказать и о вашей любви къ Гретхенъ и Фредерикъ. Изобра-

женіе обѣихъ такъ ново и оригинально; ничего подобнаго романисту ни изобрѣсти, ни придумать. Кажется, это зависитъ отъ большой правдивости рассказчика, который не старается прикрыть прожитаго, дабы выставить его въ болѣе блестящемъ видѣ, и который избѣгаетъ всякой сентиментальности тамъ, гдѣ достаточно простого изображенія дѣйствительности. Да и самая любовь никогда не бываетъ одинаковой; она всегда оригинальна и видоизмѣняется, смотря по характеру и личности тѣхъ, кого мы любимъ.

— Вы вполне правы, отвѣчалъ Гете;—вѣдь не мы одни составляемъ любовь, но и восхищающій насъ предметъ любви. Притомъ, не слѣдуетъ забывать, что тутъ приводить еще третій могущественный дѣятель, именно то демоническое, которое обычно сопровождаетъ всякую страсть и въ любви находитъ свою собственную стихію. Въ моихъ отношеніяхъ къ Лили, оно было особенно дѣятельно; оно придало совсѣмъ иное направленіе всей моей жизни, и я не преувеличиваю, говоря, что прямымъ слѣдствіемъ этого были мой переѣздъ въ Веймаръ и мое нынѣшнее въ немъ пребываніе.

* Суббота, 6-го марта 1830.

Гете теперь читаетъ *Записки* Сенъ-Симона.

— Я остановился теперь на смерти Людовика XIV, сказалъ онъ.—До того, всѣ двѣнадцать томовъ меня интересовали въ высшей степени, и именно благодаря контрасту между направленіемъ воли государя и аристократической добродѣтели слуги. Но съ того мгновенія, какъ монархъ умеръ, и выступаетъ на сцену другое лицо, слишкомъ ничтож-

ное для того, чтобъ Сенъ-Симонъ могъ играть подлѣ него выгодную роль,—чтеніе уже не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія; мнѣ стало противно, и я пересталъ читать, какъ только «тиранъ» пересталъ дѣйствовать.

Гете пересталъ также уже около двухъ недѣль читать *le Globe* и *le Temps*, за которыми весьма ревностно слѣдилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ оставляетъ номера подъ бандеролью, въ томъ видѣ, какъ они приходятъ. Въ замѣнъ того, онъ проситъ друзей рассказывать ему, что дѣлается на свѣтѣ. Съ нѣкотораго времени онъ много пишетъ, и вполнѣ погруженъ во вторую часть *Фауста*. Особенно, уже нѣсколько недѣль, занятъ онъ *Классической Вальпуріевой ночью*, и она быстро подвигается впередъ. Въ такія, особенно продуктивныя, времена, Гете вообще не любитъ читать, за исключеніемъ чего нибудь легкаго и веселаго, могущаго послужить для него пріятнымъ отдыхомъ, или же такихъ сочиненій, которыя гармонируютъ съ предметомъ его занятій и могутъ быть ему полезны. Онъ уклоняется, напротивъ, отъ такого чтенія, которое можетъ подѣйствовать на него сильнымъ и возбуждающимъ образомъ, нарушить ходъ его тихой работы и отвлечь его въ сторону отъ его дѣятельности. Поэтому-то, какъ мнѣ кажется, онъ и не читаетъ *le Globe* и *le Temps*.

— Я вижу, сказалъ онъ,—что въ Парижѣ готовятся важныя вещи; мы наканунѣ взрыва. Я не имѣю на это никакого вліянія, а потому и стану покойно ждать, вмѣсто того чтобъ бесполезно волноваться каждый день спѣшнымъ ходомъ драмы. Я мало теперь заглядываю въ *le Globe* и *le Temps*, и моя *Вальпуріева ночь* не дурно подвигается впередъ.

Затѣмъ онъ заговорилъ о состояніи новѣйшей французской литературы, которая его интересуетъ.

— Что французы, при нынѣшнемъ своемъ литературномъ направленіи, считаютъ за новостъ, сказалъ онъ, — въ сущности отраженіе того, къ чему стремилась и что выполнила нѣмецкая литература пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Зерно историческихъ пьесъ, которыя для нихъ составляють новостъ, заключается уже полъ-вѣка въ моемъ *Гетцѣ*. Впрочемъ, нѣмецкіе писатели никогда не думали, что будутъ имѣть вліяніе на французовъ, и никогда не писали съ этой цѣлью. И у меня передъ глазами была только моя Германія, и только вчера, или третьяго дни я обратилъ мои взоры на западъ, чтобъ посмотрѣть, что обо мнѣ думаютъ наши сосѣди по ту сторону Рейна. Но и теперь они не оказываютъ никакого вліянія на мои произведенія. Самъ Виландъ, подражавшій французскимъ формамъ и ихъ способамъ изображенія, въ сущности всегда оставался нѣмцемъ, и въ переводѣ будетъ имѣть дурной видъ.

Воскресенье, 7-го марта 1830.

Въ полдень у Гете; онъ сегодня особенно свѣжъ и здоровъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что былъ принужденъ отложить *Классическую Вальпуріеву ночь*, чтобы окончить послѣдній выпускъ журнала. «И тутъ», сказалъ онъ, «я поступилъ умно: я остановился, когда еще хорошо работалось, и когда я могъ еще высказать многое, почти уже готовое. При этомъ, легче будетъ вернуться къ работѣ, чѣмъ когда бы я дописался до того, что заколодило бы».

Я замѣтилъ это про себя, какъ хорошій урокъ.

Мы думали проѣхаться передъ обѣдомъ, но намъ

обоимъ было такъ хорошо въ комнатѣ, что было приказано отложить лошадей.

Между тѣмъ слуга Фридрихъ распаковалъ большой ящикъ, присланный изъ Парижа. То была посылка отъ скульптора Давида¹⁾, отлитые изъ гипса барельефные портреты семидесяти извѣстныхъ лицъ. Фридрихъ разложилъ медальоны въ выдвижные ящики; намъ доставило большое удовольствіе разсматривать всѣ эти интересныя лица. Я особенно желалъ увидѣть портретъ Мериме; голова мощная и смѣлая, какъ и его талантъ, и Гете замѣтилъ, что въ ней есть нѣчто юмористическое. У Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Эмиля Дешана—ясныя, открытыя, веселыя лица. Намъ порадовали также портреты m-lle Гэ, m-me Тастю и другихъ молодыхъ писательницъ. Мощное лицо Фабье напоминало людей прошлыхъ вѣковъ, и мы съ удовольствіемъ разсматривали его нѣсколько разъ. Такъ мы переходили отъ одной знаменитости къ другой, и Гете неустанно твердилъ, что онъ, благодаря подарку Давида, обладаетъ сокровищемъ, за которое не знаетъ, какъ и отблагодарить его. Онъ станетъ показывать это собраніе всѣмъ путешественникамъ, и освѣдомляться у нихъ о нѣкоторыхъ ему еще неизвѣстныхъ лицахъ.

Въ ящикѣ были также книги; онъ приказалъ ихъ снести въ переднюю комнату, и мы пошли туда и сѣли у стола. Мы были веселы, и говорили о различныхъ работахъ и предположеніяхъ.

— Не добро быть человѣку одному, сказалъ Гете,—а особенно нехорошо одному работать; чтобъ ему что нибудь удалось, требуется участіе и воз-

¹⁾ David d'Angers.

бужденіе. Благодаря Шиллеру, я написалъ *Ахиллеиду* и много балладъ; онъ побуждалъ меня писать; а вы можете приписать себѣ вторую часть *Фауста*, если я ее кончу. Я это вамъ часто говорилъ, и еще разъ повторяю, чтобъ вы знали.

Я порадовался этимъ словамъ, чувствуя, что въ нихъ много правды.

Во время десерта Гете открылъ пакетъ. То были стихотворенія Эмиля Дешана и письмо отъ него, которое Гете далъ мнѣ прочесть. Изъ него я съ радостью увидѣлъ, какое вліяніе признается за Гете на новую жизнь во французской литературѣ, и какъ молодые люди почитаютъ и любятъ его, какъ своего духовнаго главу. Такое вліяніе въ молодости Гете оказывалъ Шекспиръ. Про Вольтера нельзя сказать, что онъ имѣлъ подобное вліяніе на чужеземныхъ молодыхъ поэтовъ, чтобъ они получали единеніе въ его духѣ и признавали его своимъ властителемъ и учителемъ. Вообще, письмо Эмиля Дешана было написано съ милой и сердечной непринужденностью. «Точно пришлось увидѣть весну прекрасной души», сказалъ про него Гете.

Въ посылкѣ Давида находился также листъ съ изображеніемъ шляпы Наполеона въ самыхъ различныхъ положеніяхъ. «Это для моего сына», сказалъ Гете, и тотчасъ же послалъ листъ на верхъ. Молодой Гете вскорѣ сошелъ внизъ; онъ былъ исполненъ радости и объявилъ, что эти шляпы его героя составятъ *non plus ultra* его коллекціи. Не прошло и пяти минутъ, какъ листокъ былъ въ рамкѣ, подъ стекломъ, и помѣщенъ между прочими атрибутами героя.

Воскресенье, 14-го марта 1830.

Вечеромъ у Гете. Онъ показалъ мнѣ всѣ сокровища, присланныя Давидомъ, уже расположенныя въ порядкѣ. Гипсовые медальоны съ профилями болѣе замѣчательныхъ изъ молодыхъ французскихъ поэтовъ онъ разложилъ въ большомъ порядкѣ на столѣ. Онъ снова говорилъ о необыкновенномъ талантѣ Давида, который равно великъ, какъ въ замыслѣ, такъ и въ исполненіи. Онъ мнѣ показалъ также множество новыхъ произведеній, присланныхъ ему, при посредствѣ Давида, въ подарокъ отъ самыхъ выдающихся талантовъ романтической школы. Я увидѣлъ сочиненія Сентъ-Бева, Балланша, Виктора Гюго, Бальзака, Альфреда де-Виньи, Жюль Жанена и др. «Давидъ этой посылкой», сказалъ Гете, «устроилъ для меня много пріятныхъ дней. Я уже цѣлую недѣлю занимался молодыми поэтами, и свѣжее впечатлѣніе, которое они на меня производятъ, исполняетъ меня новой жизни. Я сдѣлаю для этихъ любезныхъ мнѣ книгъ и портретовъ особый каталогъ, и отведу для нихъ въ моихъ коллекціяхъ и библіотекѣ особое мѣсто». — Отсюда видно, что это подношеніе молодыхъ французскихъ поэтовъ осчастливило Гете.

Затѣмъ онъ прочелъ кое-что изъ *Études* Эмиля Дешана. Онъ похвалилъ переводъ *Коринѣской невесты*, какъ вѣрный и весьма удачный. «У меня есть рукописный переводъ этой поэмы на итальянскій языкъ; тамъ переданъ даже ритмъ оригинала».

Коринѣская невеста была поводомъ къ разговору о другихъ балладахъ Гете. «Я обязанъ ими по большей части Шиллеру», сказалъ онъ, «онъ побуждалъ меня писать, потому что ему постоянно требовалось что нибудь новое для *Орѣ*. Онѣ у меня

были уже нѣсколько лѣтъ въ головѣ; онѣ занимали мой умъ, какъ пріятныя картины, какъ прекрасныя мечтанія, которыя приходятъ и уходятъ, и я былъ счастливъ, когда моя фантазія разыгрывалась надъ ними. Я неохотно согласился проститься съ этими издавна меня радовавшими, блестящими видѣніями, и дать имъ тѣло при помощи маловыразительныхъ скудныхъ словъ. Когда они были написаны, я посмотрѣлъ на нихъ съ какою-то тоской, точно на всегда разставался съ любимымъ другомъ.— Въ другое время стихотворенія писались совсѣмъ иначе. Я о нихъ предварительно не думалъ, не предчувствовалъ ихъ: они внезапно находили на меня, и требовали, чтобъ я написалъ ихъ, и я чувствовалъ инстинктивное и мечтательное побужденіе тотчасъ же написать. Въ такомъ состояніи соннамбулизма случалось, что мнѣ попадался подъ руку на-кось лежащій листъ бумаги, и я замѣчалъ это только тогда, когда все было написано, или когда больше не хватало мѣста для письма. У меня было много такихъ по діагонали исписанныхъ листовъ; но они мало по малу исчезли, и мнѣ жаль, что я не могу показать вамъ этихъ свидѣтелей поэтического бреда».

Затѣмъ, разговоръ снова перешелъ къ французской литературѣ, и именно къ самоновѣйшему ультра-романтическому направленію нѣкоторыхъ не незначительныхъ талантовъ. Гете былъ того мнѣнія, что эта поэтическая революція въ будущемъ окажется весьма полезной для самой литературы, но что она вредна для отдѣльныхъ, предпринявшихъ ее писателей.

— Крайности нельзя избѣжать ни при какой революціи, сказалъ онъ.—При политической революціи вначалѣ желаютъ только устраненія всяческихъ

злоупотреблений, но раньше, чѣмъ предвидится, уже глубоко погружены въ потоки крови и ужасы. Такъ и при нынѣшней литературной революціи: французы желали вначалѣ только свободной формы, но они на этомъ не остановились, и вмѣстѣ съ формой отвергаютъ и все прежнее содержаніе. Изображеніе благородныхъ чувствъ и дѣлъ начинаютъ считать скучнымъ, и принимаются за обработку всяческихъ беззаконій. Вмѣсто прекраснаго содержанія изъ греческой міѳологіи на сцену выступаютъ черти, вѣдьмы и вампиры, и возвышенные герои прежняго времени должны уступить мѣсто плутамъ и каторжникамъ. Это пикантно! Это производитъ впечатлѣніе! Но, когда публика отвѣдаетъ и привыкнетъ къ этимъ сильно наперченнымъ блюдамъ, то потребуетъ пищи еще покрѣпче. Молодой талантъ, желающій работать и быть признаннымъ, и въ то же время не довольно сильный, чтобъ идти своимъ путемъ, долженъ согласоваться съ современнымъ вкусомъ и перехитрить своихъ предшественниковъ по части жестокостей и ужасовъ. Но въ этой погонѣ за внѣшними эффектами останется въ полномъ небреженіи всякое глубокое изученіе, всякое постепенное основательное развитіе таланта и человѣка изнутри кнаружи. А въ этомъ величайшая опасность, на какую только можетъ натолкнуться талантъ, хотя литература вообще и выиграетъ отъ этого преходящаго направленія.

— Но какимъ образомъ, спросилъ я,—стремленіе, столь разрушительное для отдѣльныхъ талантовъ, можетъ стать благотѣльнымъ для литературы вообще?

— Указанные мною крайности и наросты мало-по-малу исчезнутъ, и въ концѣ окажется та польза,

что вмѣстѣ со свободной формой будетъ достигнуто и богатое, многообразное содержаніе, и уже ни на одинъ предметъ въ широкомъ мірѣ и многосторонней жизни не стануть смотрѣть, какъ на непоэтическій. Нынѣшнее состояніе литературы я сравниваю съ жестокой горячкой, которая, правда, сама по себѣ и нехороша, и нежелательна, но радостнымъ послѣдствіемъ которой бываетъ улучшеніе здоровья. Тѣ дѣйствительно беззаконныя вещи, которыя теперь часто составляютъ все содержаніе поэтическаго произведенія, въ будущемъ войдутъ въ него только какъ полезная приправа; да скоро и съ великой жаждой взыщутся за вполне изгнаннымъ изъ время чистымъ и благороднымъ.

— Я удивляюсь, замѣтилъ я,—что и Мериме, который принадлежитъ къ числу вашихъ любимцевъ, вступилъ также на ультра-романтическую дорогу при посредствѣ ужасающихъ сюжетовъ въ своей *Guzla*.

— Мериме совершенно иначе, чѣмъ его сотоварищи, обрабатывалъ такіе сюжеты. Правда, въ этихъ поэмахъ нѣтъ недостатка въ ужасающихъ мотивахъ: тутъ и кладбища, и перекрестки ночью, и привидѣнія, и вампиры; но всѣ эти отвратительные предметы не волнуютъ души поэта: онъ ихъ изображаетъ какъ бы съ нѣкотораго объективнаго далека и словно съ ироніей. Притомъ, онъ берется за дѣло какъ художникъ, которому нравится попробовать себя разокъ и въ этомъ родѣ. Повторяю, онъ при этомъ ничѣмъ не выказываетъ своей личности; онъ даже не выказываетъ, что онъ французъ, и до такой степени, что *Guzla* вначалѣ считали за сборникъ настоящихъ иллирійскихъ народныхъ поэмъ, и его преднамѣренная мистификація

чуть чуть не удалась. Мериме парень хоть куда ¹⁾ вообще, для объективной обработки сюжета требуется больше силы и гения, чѣмъ думаютъ. Байронъ, не смотря на то, что у него была преобладающая надъ всѣмъ личность, порой обнаруживалъ силу и не выказывалъ самого себя, какъ то видно въ нѣкоторыхъ его драматическихъ вещахъ, особенно въ *Марино Фальеро*. Читая эту пьесу, совершенно забываешь, что ее написалъ Байронъ, даже англичанинъ. Мы вполне переносимся въ Венецію и въ то время, когда происходитъ дѣйствіе. Лица говорятъ отъ самихъ себя, выражая свое собственное состояніе, и у нихъ вовсе не видно субъективныхъ чувствъ, мыслей и мнѣній поэта. Вотъ это истинное искусство. Нельзя сказать того же въ похвалу нашимъ молодымъ чрезмѣрнымъ романтикамъ французской школы. Все, что я ни читалъ изъ ихъ сочиненій, стихотворенія, романсы, драматическія произведенія—на всемъ личный колоритъ автора, и я ни разу не забывалъ, что это писалъ парижанинъ, французъ; да, при обработкѣ иностранныхъ сюжетовъ, все чувствуешь себя во Франціи и въ Парижѣ, всюду видишь чувства, потребности, столкновенія и броженія нашего времени.

— Даже Беранже, съ намѣреніемъ вывѣдать его мнѣніе, замѣтилъ я,—и онъ изображалъ только обстоятельства большой столицы и своей собственной души.

— Но онъ вдобавокъ чловѣкъ, чьи изображенія и душа чего нибудь да стоятъ. Онъ обладаетъ содержательностью, какъ всякая замѣчательная лич-

¹⁾ Ein ganzer Kerl.

ность. Беранже вполне счастливо одаренная натура, имѣющая твердыя основанія въ самой себѣ, развивающаяся изъ самой себя, безо всякой примѣси, и находящаяся въ полной гармоніи съ самой собою. Онъ никого не спрашивалъ: «что современно? что производить впечатлѣніе? что нравится? или: что пишутъ другіе?» ради того, чтобъ подражать имъ. Онъ всегда черпалъ изъ самого себя, и не заботился, чего ждала отъ него публика, или та или другая партія. Онъ, конечно, въ различныя критическія эпохи прислушивался къ настроенію, желаніямъ и потребностямъ народа; но это только укрѣпляло его вѣру въ самого себя, потому что удостоверяло его въ томъ, что его внутренняя жизнь въ гармоніи съ жизнью народа; но это никогда не заставляло его высказывать то, что не жило въ его собственномъ сердцѣ. — Вы знаете, что я вовсе не любитель такъ называемой политической поэзіи; но тѣ стихотворенія, что писалъ Беранже, мнѣ нравятся. У него нѣтъ ничего съ вѣтра, никакихъ воображаемыхъ или придуманныхъ интересовъ; онъ никогда не стрѣляетъ на воздухъ, онъ всегда избираетъ явные и при томъ значительные сюжеты. Его любовное восхищеніе Наполеономъ и воспоминаніе о великихъ военныхъ подвигахъ и притомъ въ такое время, когда они могли доставить утѣшеніе угнетеннымъ французамъ; затѣмъ, его ненависть къ владычеству патеровъ и невѣжеству, которое грозило своимъ возвращеніемъ вмѣстѣ съ іезуитами, — все это вещи, которымъ нельзя отказать въ полномъ сочувствіи. И какъ мастерски у него отдѣлано всякое стихотвореніе! Какъ онъ обтачиваетъ и округляетъ всякій сюжетъ передъ тѣмъ, какъ писать! И когда все созрѣетъ, сколько онъ обнару-

живаесть остроумія, ума, ироніи, насмѣшливости, и въ то же время сколько сердечности, наивности и граціи! Его пѣсни что ни годъ давали веселье милліонамъ; онѣ вполне доступны для рабочихъ классовъ, и въ то же время возвышаются надъ уровнемъ пошлости, такъ что народъ, приходя въ общеніе съ этими прелестными духами, приучается и невольно начинаетъ думать и лучше, и благороднѣе. Чего жъ вы еще требуете? И, вообще, развѣ можно сказать что нибудь лучшее въ похвалу поэту?

— Онъ, безъ сомнѣнія, великолѣпнѣе, отвѣчалъ я.—И вы знаете, что я люблю его ужъ много лѣтъ; вы также можете себѣ представить, какъ меня радуетъ ваше мнѣніе о немъ. Но, если бъ меня спросили, какія его пѣсни я предпочитаю, то я отвѣтилъ бы, что мнѣ больше нравятся его любовныя пѣсни, чѣмъ политическія, въ которыхъ есть неясныя для меня обиняки и намеки.

— Это ужъ ваше дѣло, возразилъ Гете;—притомъ, политическія пѣсни написаны не для васъ; но спросите *французовъ*, и они вамъ скажутъ, чѣмъ онѣ хороши. Политическое стихотвореніе вообще, въ самомъ счастливомъ случаѣ, бываетъ только голосомъ отдѣльной націи, а по большей части только голосомъ извѣстной партіи; но, когда оно хорошо, то его встрѣчаютъ съ энтузіазмомъ и эта нація, и эта партія. Далѣе, политическое стихотвореніе слѣдуетъ разсматривать только какъ продуктъ извѣстныхъ временныхъ обстоятельствъ; они, конечно, переходятъ и отнимаютъ отъ стихотворенія то достоинство, которое придавалъ имъ сюжетъ. Беранже, впрочемъ, особое счастье. Парижъ—Франція; всѣ значительные интересы его великаго отечества сосредоточиваются въ столицѣ

и живутъ въ ней своей особой жизнью, и встрѣчаютъ свой отголосокъ. Также, въ большинствѣ его политическихъ стихотвореній, онъ не является простымъ органомъ какой нибудь отдѣльной партіи; скорѣй вещи, которымъ онъ противодѣйствуетъ, по большей части представляютъ общій національный интересъ, и голосъ поэта можно почитать за великій народный гласъ. У насъ въ Германіи подобное не возможно. У насъ нѣтъ ни города, ни даже государства, о которомъ мы могли бы рѣшительно сказать: *здесь Германія!* Спросите въ Вѣнѣ, и вамъ отвѣтятъ: здѣсь Австрія; спросите въ Берлинѣ, и въ отвѣтъ: здѣсь Пруссія. Только шестнадцать лѣтъ назадъ, когда мы наконецъ захотѣли освободиться отъ французовъ, всюду была Германія; тогда политическій поэтъ могъ бы имѣть всюду вліяніе. Но въ немъ не было нужды. Общая бѣда и чувство стыда, какъ демоническая сила, охватили націю; пламя воодушевленія, которое могъ возжечь поэтъ, возгорѣлось само собою. Я впрочемъ не стану отрицать, что Арндъ, Кернеръ и Рюккертъ имѣли нѣкоторое вліяніе.

— Васъ упрекали въ томъ, нѣсколько необходимо замѣтилъ я, — что вы въ то великое время также не взялись за оружіе или, по крайней мѣрѣ, не дѣйствовали какъ поэтъ.

— Оставимъ это, мой добрый! отвѣчалъ Гете. — Люди глупы; они не знаютъ, чего хотятъ, и пусть они говорятъ и дѣлаютъ что имъ угодно. Какъ я безъ ненависти могъ взяться за оружіе? И какъ могъ я ненавидѣть, переживъ молодость? Еслибъ это возбужденіе застало меня двадцатилѣтнимъ, то и я навѣрное былъ бы не изъ послѣднихъ; но оно застало меня, когда мнѣ было уже за шестьдесятъ.

Не можемъ мы также всѣ служить отечеству одинаково; всякій дѣлаетъ что можетъ, какъ кому далъ Богъ. Я немало потрудился въ теченіе полувѣка. Я могу сказать, что въ томъ дѣлѣ, надъ чѣмъ природа предназначила мнѣ работать, я ни днемъ, ни ночью не зналъ покоя и не позволялъ себѣ никакого отдыха, но всегда стремился, испытывалъ и работалъ настолько хорошо и много, насколько могъ. Если всякій можетъ то же сказать про себя, то все пойдетъ превосходно.

— Въ сущности, чтобъ успокоить его, продолжалъ я,—вамъ нечего досадовать на этотъ упрекъ; скорѣй вы можете нѣсколько гордиться имъ. Что онъ собственно значить, какъ не то, что свѣтъ о васъ такого высокаго мнѣнія, что готовъ отъ того, кто больше другихъ способствовалъ культурѣ своей націи, требовать наконецъ, чтобъ онъ сдѣлалъ *все*.

— Я не могу сказать, что думаю, отвѣчалъ Гете. — За этими толками скрывается больше зложелательства, чѣмъ вы полагаете. Я чувствую подъ этимъ видоизмѣненіе той ненависти, съ которою меня преслѣдуютъ ужъ много лѣтъ, и теперь хотятъ подкрасться ко мнѣ. Я прекрасно знаю, что для многихъ я тернъ въ глазу, и они были бы рады избавиться отъ меня; мой талантъ уже затронуть нельзя, а потому нападаютъ на мой характеръ. То я гордъ, то эгоистъ, то завистливъ къ молодымъ талантамъ, то погружился въ чувственность, то не христіанинъ, и вотъ наконецъ во мнѣ нѣтъ любви къ родинѣ и милымъ моимъ нѣмцамъ. Вы знаете меня уже нѣсколько лѣтъ кряду, и знаете насколько правды въ этой болтовнѣ. Но, если хотите знать, что я претерпѣлъ, то прочтите мои *Ксеніи*, и изъ моихъ отвѣтовъ вы ясно увидите, чѣмъ именно

по очередно старались сдѣлать для меня жизнь горькой.

«Нѣмецкій писатель—нѣмецкій мученикъ! Да, мой добрый, вы сами въ томъ убѣдитесь. И мнѣ лично почти и не приходится жаловаться; другимъ было не лучше, а большинству хуже: и въ Англіи и во Франціи то же что у насъ. Чего не пришлось перенести Мольеру, а Руссо и Вольтеру! Байрона злые языки изгнали изъ Англіи, и ему пришлось бы бѣжать на край свѣта, если бѣ ранняя смерть не избавила его отъ филистеровъ и ихъ ненависти.—И если бѣ только ограниченная масса преслѣдовала людей повыше! А то люди даровитые, таланты преслѣдуютъ другъ друга. Платенъ досаждаеть Гейне, а Гейне Платену, и каждый старается выставить другого худымъ и ненавистнымъ, а между тѣмъ для совмѣстныхъ и жизни, и работы много мѣста на свѣтѣ, и у всякаго есть свой врагъ въ его собственномъ талантѣ, съ которымъ немало хлопотъ».

«Писать воинственныя пѣсни и сидѣть въ коменатѣ—я на это неспособенъ. Иное дѣло на бивуакѣ, гдѣ ночью слышно, какъ ржутъ лошади на непріятельскихъ форпостахъ,—тутъ и я увлекся-бы. Но я не жилъ этой жизнью, и это было не моимъ дѣломъ, а Теодора Кернера. Ему военныя пѣсни какъ разъ къ лицу. У меня же нѣтъ воинственности въ натурѣ, у меня нѣтъ никакого влеченія къ войнѣ, а потому воинственныя пѣсни у меня оказались бы маской, которая плохо держится на лицѣ».

«Я никогда въ поэзіи не прибѣгалъ къ аффектаци. Я не сочинялъ и не высказывалъ того, чѣмъ не жилъ, что меня не мучало и не жгло. Любовныя стихотворенія я писалъ только тогда, когда былъ влюбленъ! Какъ же я, не ненавидя, могъ писать

пѣсни ненависти! Притомъ, между нами, у меня не было ненависти къ французамъ, хотя я и благодарилъ Бога, когда мы отъ нихъ избавились. Какъ я, считающій только образованность и варварство за вещи достойныя вниманія, какъ я могъ ненавидѣть націю, принадлежащую къ числу образованнѣйшихъ и которой я обязанъ столь большой частью своего развитія!»

«Вообще, національная ненависть странная вещь. На низшихъ ступеняхъ образованности, она проявляется особенно сильно и горячо. Но существуетъ ступень, гдѣ она вполне исчезаетъ, и гдѣ чувствуешь счастье или горе сосѣдняго народа такъ же, какъ и своего собственнаго. Эта ступень соотвѣтствовала моей натурѣ, и я укрѣпился на ней за долго до того, какъ мнѣ минуло шестьдесятъ».

Понедѣльникъ, 15-го марта 1830.

Вечеромъ на часокъ у Гете. Онъ много говорилъ о Іенѣ и о измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ различныхъ отрасляхъ въ тамошнемъ университетѣ. Онъ учредилъ особыя кафедры для химіи, минералогіи и ботаники, которыя прежде изучались только въ связи съ фармаціей. Особенно же много онъ сдѣлалъ для улучшенія естественно-историческаго музея и библіотеки.

При этомъ онъ съ чувствомъ удовольствія и весело рассказалъ мнѣ вторично, какъ насильственно овладѣлъ для библіотеки смежною съ ней залогомъ, принадлежавшую медицинскому факультету, который не хотѣлъ ея уступить.

«Библіотека», рассказывалъ онъ, «находилась въ очень плохомъ состояніи. Помѣщеніе было сырое и тѣсное, и вдобавокъ худо приспособленное для

достодолжнаго размѣщенія своихъ сокровищъ, особенно когда прибавилось еще тринадцать тысячъ томовъ, вслѣдствіе покупки герцогомъ Бюттнеровой библіотеки; ихъ размѣстить было некуда и они большими кучами лежали на полу. Я былъ поэтому въ великомъ затрудненіи. Слѣдовало сдѣлать новую пристройку, но на это не было средствъ; можно было прекрасно обойтись и безъ пристройки, потому что какъ разъ подлѣ библіотеки была большая зала, которая пустовала и могла великолѣпно удовлетворить всѣмъ нашимъ потребностямъ. Но эта зала не принадлежала библіотекѣ, а была во владѣніи медицинскаго факультета, который пользовался ею для конференцій. Я обратился поэтому къ этимъ господамъ съ весьма вѣжливою просьбою объ уступкѣ залы для библіотеки. Но эти господа не тронулись моею просьбою. Впрочемъ, они готовы были уступить залу, если я дамъ обѣщаніе выстроить, и при томъ немедленно, новую залу для цѣлей ихъ конференцій. Я отвѣчалъ, что вполнѣ готовъ приготовить для нихъ другое помѣщеніе, но не могу обѣщать немедленной постройки новаго зданія. Мой отвѣтъ, по видимому, не удовлетворилъ этихъ господъ; когда я на другое утро послалъ за ключемъ отъ залы, то послѣдовалъ отвѣтъ, что его никакъ не могутъ найти.

«Мнѣ ничего не оставалось, кромѣ насильственнаго завладѣнія. Я послалъ поэтому за каменщикомъ и подвелъ его къ стѣнѣ, отдѣлявшей библіотеку отъ вышеупомянутой залы. «Эта стѣна, дружокъ», сказалъ я ему, «должно быть очень толста, потому что раздѣляетъ двѣ отдѣльныя части зданія. Но все-таки попытайтесь узнать, на сколько она толста». Каменщикъ принялся за работу, и едва сдѣлалъ

пять, шесть здоровыхъ ударовъ, какъ повалилась известка и кирпичи, и сквозь образовавшееся отверстіе можно уже было разглядѣть нѣсколько достопочтенныхъ париковъ, которыми была украшена зала. «Продолжайте, дружокъ», сказалъ я, «мнѣ еще дурно видно. Не стѣсняйтесь, и будьте совершенно какъ дома». Это дружеское одобреніе такъ благотворно подѣйствовало на каменщика, что вскорѣ отверстіе было уже на столько велико что могло служить дверью, черезъ которую библиотечные служители проникли въ залу, каждый съ обременкомъ книгъ, которыя они и сложили на полу въ знакъ завладѣнія мѣстомъ. Скамьи, стулья и пулты исчезли въ одно мгновеніе, и мои вѣрные слуги работали такъ быстро и прилежно, что черезъ нѣсколько дней книги были уже разложены въ отличномъ порядкѣ, по полкамъ вдоль стѣнъ. Господа медики, которые вскорѣ послѣ того явились in corpore чрезъ свой обычный входъ, были донельзя озадачены столь полнымъ и неожиданнымъ превращеніемъ. Они не знали что сказать, и тотчасъ же удалились; но всѣ они въ сердцѣ сохранили досаду на меня. Впрочемъ, когда я вижу ихъ по одиночкѣ, и особенно когда приглашаю того или другого къ себѣ обѣдать, то всѣ они вполнѣ любезны и мои лучшіе друзья. Когда я рассказалъ великому герцогу ходъ этого приключенія, которое, понятно, было приведено въ исполненіе съ его согласія и полного одобренія, то онъ царственно забавлялся этимъ и мы потомъ часто смѣялись надъ нимъ».

Гете былъ въ отличномъ расположеніи, и отдался воспоминаніямъ. «Да, мой другъ», продолжалъ онъ, «пришлось и потерпѣть, чтобъ устроить доброе дѣло. Позже, когда ради того, чтобъ уничтожить боль-

шую сырость въ библіотекѣ, я вздумалъ скрыть и свезти вредившую намъ часть совершенно ненужной старой городской стѣны, пришлось мнѣ похлопотать не мало. Моихъ просьбъ, основательныхъ причинъ и разумныхъ представленій не слушали, и мнѣ наконецъ пришлось прибѣгнуть къ насильственному способу дѣйствія. Когда городская управа увидѣла, что я принялся за стѣну, то послала депутацію къ великому герцогу, который тогда былъ въ Дорнбургѣ, съ вѣрноподданнѣйшей просьбою: да будетъ благоугодно его высочеству своимъ властительнымъ словомъ остановить насильственное разрушеніе ихъ старинной досточтимой стѣны. Но великій герцогъ тайно соизволилъ уже на это дѣло, и очень мудро отвѣчалъ: «Я въ дѣла Гете не мѣшаюся. Онъ знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать и долженъ знать, какъ справиться съ дѣломъ. Идите и поговорите съ нимъ, если у васъ на то хватитъ смѣлости». Но ко мнѣ никто и не заглянулъ», смѣясь добавилъ Гете; «я продолжалъ разрушать мѣшавшую мнѣ старую стѣну и затѣмъ радовался, что уничтожилъ сырость въ библіотекѣ».

Вторникъ, 16-го марта 1830.

Сегодня утромъ навѣстилъ меня г. фонъ-Гете и сказалъ, что его давно предполагавшееся путешествіе въ Италію рѣшено, что отецъ даетъ необходимую сумму и желаетъ, чтобъ я сопровождалъ его. Мы оба порадовались этому извѣстію и стали толковать о приготовленіяхъ къ путешествію.

Когда я около полудня пришелъ къ Гете, то онъ отозвалъ меня къ окну. Онъ тотчасъ началъ говорить о путешествіи своего сына. «Оно будетъ полезно для васъ обоихъ», сказалъ онъ; «особенно для вашего образованія».

Затѣмъ онъ показалъ мнѣ Христа съ двѣнадцатью апостолами, и мы говорили о неудобствахъ такихъ фигуръ, какъ предметовъ для скульптурнаго изображенія. «Всѣ апостолы», сказалъ Гете, «почти одинаковы, и весьма немногимъ изъ нихъ придаютъ характеръ и значеніе ихъ жизнь и дѣла. Я поэтому занялся тѣмъ, что придумалъ циклъ двѣнадцати библейскихъ фигуръ, гдѣ каждая значительна и не похожа на другую, а потому представляетъ благодарный сюжетъ для художника. Впервыхъ *Адамъ*, красивѣйшій изъ людей, на столько совершенный, на сколько возможно себѣ представить. Онъ долженъ одной рукой опираться на лопату въ знакъ того, что человѣкъ призванъ обрабатывать землю. Затѣмъ *Ной*, отъ котораго исходитъ новое твореніе. Онъ воздѣлывалъ виноградъ, и его фигурѣ можно придать черты индійскаго Вакха. За нимъ слѣдуетъ *Моисей*, какъ первый законодатель. Потомъ *Давидъ*, какъ воинъ и царь. Затѣмъ *Исаія*, князь и пророкъ. Потомъ *Даніиль*, провозвѣщающій того, кто придетъ. *Христосъ*. *Іоаннъ*, любящій пришедшаго. Такимъ образомъ, около Христа были бы двѣ фигуры: одна (*Даніиль*) нѣжная и съ длинными волосами, другая (*Іоаннъ*) страстная, съ короткими, вьющимися кудрями. Кто же за *Іоанномъ*? *Капернаумскій сотникъ*, какъ представитель вѣрующихъ, жаждущихъ непосредственной помощи. Затѣмъ *Магдалина*, какъ символъ кающагося, требующаго прошенія и стремящагося къ совершенствованію человѣчества. Потомъ *Павелъ*, который сильнѣй всѣхъ послужилъ распространенію ученія. За нимъ *Іаковъ*, который пошелъ къ самымъ далекимъ народамъ, и представляетъ миссіонеровъ. Въ заключеніе *Петръ*. Художникъ долженъ его статую поставить вблизи

дверей, и придать ему такое выраженіе, будто онъ испытующимъ окомъ осматриваетъ входящихъ, чтобъ удостовѣриться, достойны ли они спасенія. Что вы скажете объ этомъ циклѣ? Я считаю, что этотъ сюжетъ богаче, чѣмъ двѣнадцать апостоловъ, гдѣ всякій похожъ на другого. Моисея и Магдалину я изобразилъ бы въ сидячемъ положеніи»¹⁾).

Я считалъ себя счастливымъ, слыша все это, и просилъ Гете изложить все это письменно, что онъ и обѣщалъ исполнить. «Я еще подумаю объ этомъ», сказалъ онъ, «и затѣмъ передамъ вамъ вмѣстѣ съ другими новыми вещами для тридцати девятаго тома».

Среда, 17-го марта 1830.

Обѣдалъ у Гете. Я говорилъ съ нимъ объ одномъ мѣстѣ въ его стихотвореніи, должно ли стоять: «Wie es dein Priester Horaz in der Entzückung verhiess», какъ во всѣхъ старыхъ изданіяхъ; или же: «Wie es dein Priester Properz и т. д.», какъ въ новомъ изданіи.

— Къ послѣднему чтенію, отвѣчалъ Гете, — меня склонилъ Геттлингъ. «Priester Properz», впрочемъ, звучить некрасиво, а потому я стою за прежнее чтеніе.

— Точно также, сказалъ я, — въ рукописи вашей *Елены* стоитъ, что Тезей уводитъ ее, какъ десятилѣтнюю стройную серну. По настоянію Геттлинга вы напечатали: семилѣтняя стройная серна, — возрастъ слишкомъ малый, какъ для красивой дѣвушки, такъ и для близнецовъ Кастора и Поллукса, которые ее освобождаютъ. Все, конечно, происходитъ

¹⁾ Ср. ниже подъ 21-мъ марта 1830.

въ глубокия миѳическія времена, и никто не можетъ сказать навѣрное, сколько ей было лѣтъ; къ тому же во всей миѳологіи нѣтъ ничего постоянного, а потому можно выразиться, какъ окажется удобнѣе и красивѣе.

— Вы правы, сказалъ Гете;—я самъ того мнѣнія, что ей было десять лѣтъ, когда Тезей ее похитилъ, а потому я потомъ и написалъ: съ десяти лѣтъ она никуда не годилась. Въ будущихъ изданіяхъ вы поэтому можете вновь обратить семилѣтнюю серну въ десятилѣтнюю.

За десертомъ Гете показывалъ мнѣ двѣ новыя тетради Нейрейтера съ рисунками къ его балладамъ, и мы удивлялись свободѣ и ясности духа достолюбезнаго художника.

* Среда, 17-го марта 1830.

Вечеромъ провелъ часа два у Гете. Я принесъ къ нему по порученію великой герцогини *Gemma von Art* ¹⁾ и высказалъ ему все хорошее объ этой піесѣ, что думалъ. «Я всегда радуюсь», сказалъ онъ, «когда появляется вещь, гдѣ въ изобрѣтеніи есть нѣчто новое и на чемъ вообще лежитъ печать таланта». Затѣмъ, взявъ томъ въ обѣ руки, и поглядѣвъ на него нѣсколько сбоку, онъ прибавилъ: «Но мнѣ во все не нравится, когда я вижу что драматическій писатель пишетъ такія длинныя піесы, что ихъ нельзя давать въ томъ видѣ, какъ онѣ написаны. Такой недостатокъ отнимаетъ у меня половину удовольствія. Посмотрите только, какой толстый томъ составляетъ эта драма».

— Шиллеръ, возразилъ я,—поступалъ такъ же, а все же онъ очень большой драматическій писатель.

¹⁾ Трагедія Борнгейзена.

— И онъ въ этомъ не правъ, отвѣчалъ Гете.— Особенно первыя его пьесы, написанныя въ полномъ цвѣтѣ юности, никакъ не хотятъ кончиться. У него было слишкомъ много въ душѣ, онъ хотѣлъ высказать слишкомъ многое, и не могъ побѣдить этого побужденія. Позже, сознавъ этотъ недостатокъ, онъ старался всѣми силами устранить его при помощи изученія и труда, хотя это ему никогда вполне не удавалось. Овладѣть надлежащимъ образомъ своимъ сюжетомъ, сдерживать себя и сосредоточиться только на вполне необходимомъ,— все это требуетъ силъ поэтического гиганта и труднѣе, чѣмъ думаютъ.

Доложили о придворномъ совѣтникѣ Римерѣ. Я хотѣлъ уйти, зная что въ этотъ день по вечерамъ Гете работаетъ съ Римеромъ. Но Гете попросилъ меня остаться, на что я согласился весьма охотно, и такимъ образомъ я сталъ свидѣтелемъ разговора, гдѣ Гете обнаружилъ много шаловливости, ироніи и мѣфистофельскаго пошиба.

— Вотъ умеръ Земмерлингъ, началъ Гете,—едва доживъ до семидесяти пяти лѣтъ. Чтò за несчастныя созданія люди: у нихъ нѣтъ смѣлости прожить дольше! Я за то и хвалю моего друга Бентама, этого высокорадикальнаго болвана, что онъ нѣсколькими недѣлями старше меня, а держится крѣпко.

— Можно прибавить, сказалъ я, — что онъ похожъ на васъ и въ другомъ отношеніи: онъ все еще работаетъ съ юношескою свѣжестью.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Гете;—но мы съ нимъ стоимъ у двухъ противоположныхъ концовъ цѣпи: онъ хочетъ ниспровергать, а я хотѣлъ бы сохранять и воздвигать. Быть такимъ радикаломъ въ старости—вершина безумства.

— Кажется, замѣтилъ я, — слѣдуетъ различать два рода радикализма. Одинъ, ради будущихъ построекъ, хочетъ раньше очистить мѣсто и все испровергнуть; другой же довольствуется указаніемъ на слабыя стороны и ошибки государственнаго управленія, въ надеждѣ достигнуть блага безъ употребленія насильственныхъ средствъ. Родись вы въ Англіи, вы не избѣжали бы радикализма второго рода.

— За кого вы меня принимаете? сказалъ Гете, принимая тонъ и выраженіе своего Мефистофеля. — Чтобъ я сталъ изыскивать злоупотребленія, да еще вдобавокъ открывать ихъ и разглашать о нихъ, когда въ Англіи я самъ бы жилъ на счетъ этихъ злоупотребленій? Родись я въ Англіи, я былъ бы богатымъ герцогомъ, или, еще лучше, епископомъ съ тридцатью тысячами фунтовъ стерлинговъ доходу.

— Прекрасно, сказалъ я; — а если бъ вамъ достался не выигрышный, а пустой билетъ? Въдь пустыхъ билетовъ безконечное количество.

— Не всякій, любезнѣйшій, рожденъ для крупнаго выигрыша, возразилъ Гете. — Неужто вы думаете, что я имѣлъ бы глупость вынуть пустой билетъ? Я-бы первымъ долгомъ сталъ сторонникомъ тридцати девяти статей; я бы сражался за нихъ всячески, и особенно за статью девятую, которая стала бы для меня предметомъ особой внимательности и нѣжной преданности¹⁾. Я бы и въ стихахъ, и въ прозѣ такъ долго притворствовалъ и лгалъ, что тридцать тысячъ ежегоднаго дохода никакъ бы не миновали меня. И затѣмъ, достигнувъ высокаго положенія, я

¹⁾ «Тридцать девять статей» англиканской церкви приняты парламентомъ въ 1571 году. Девятая статья говоритъ о правахъ и доходахъ епископовъ.

ничѣмъ бы не брезговаль, чтобъ удержаться на немъ. Особенно же я старался бы по возможности усугубить мракъ невѣжества. О, какъ бы я приласкиваль добрый простой народъ; о, какъ бы я направляль милую учащуюся молодежь, чтобъ никто не узналъ, даже не потрудился бы замѣтить, что все мое блестящее положеніе основано на самомъ срамномъ злоупотребленіи.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ я,—относительно васъ было бы утѣшеніе въ мысли, что вы достигли такой высоты, благодаря необыкновенному таланту; въ Англіи же за частую самые глупые и самые неспособные люди обладаютъ земными благами, которыхъ достигаютъ никакъ не собственными заслугами, но по протекціи, по случаю и, особенно, благодаря рожденію.

— Въ сущности, возразилъ Гете,—все равно, по праву ли завоеванія или по наслѣдству достаются блестящія земныя блага. Во всякомъ случаѣ, первые владѣльцы были люди талантливые, сумѣвшіе воспользоваться невѣжествомъ и слабостью другихъ. Свѣтъ такъ полонъ слабоголовыми и дураками, что вовсе не къ чему искать ихъ въ домѣ сумасшедшихъ. При этомъ мнѣ вспоминается, какъ покойный великій герцогъ, знавшій мое отвращеніе къ больницамъ для сумасшедшихъ, хотѣлъ меня однажды заманить туда неожиданностью и хитростью. Но я благовременно почувствовалъ, чѣмъ пахнетъ дѣло, и сказалъ ему, что никоимъ образомъ не вижу необходимости смотрѣть на сумасшедшихъ, которыхъ запираютъ, и что для меня вполне достаточно тѣхъ, что гуляютъ на свободѣ. «Я готовъ», добавилъ я, «сопровождать Ваше Высочество, въ случаѣ нужды, въ адъ, но не въ домъ сумасшедшихъ». — О, мнѣ было

бы забавно толковать по своему тридцать девять статей и повергать въ изумленіе простодушную толпу!

— Вы можете доставить себѣ это удовольствіе, и не будучи епископомъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гете, — я стану сидѣть смирно; за такую ложь необходима дорогая плата. Безъ надежды на епископскую шапку и тридцать тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода, я ничего въ этомъ не пойму. Впрочемъ, я уже испробовалъ себя въ этомъ родѣ. Шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ я написалъ диѳирамбическую поэму о сошествіи Христа въ адъ; она была даже напечатана, но осталась неизвѣстна, и на дняхъ снова попалась мнѣ подъ руки. Стихотвореніе полно ортодоксальной ограниченности, и послужить мнѣ отличнымъ пропускомъ на небо. Неправда ли, Римеръ? вы его знаете?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Римеръ, — я его не знаю. Но я вспоминаю, что въ первый годъ моего здѣсь пребыванія, вы тяжело заболѣли, и въ бреду однажды декламировали прекрасные стихи на эту тему. Безъ сомнѣнія то были воспоминанія этого стихотворенія, написаннаго въ ранней юности.

— Дѣло весьма вѣроятное, сказалъ Гете. — Я знаю подобный же случай: старикъ простого званія, больной при смерти, совершенно неожиданно сталъ говорить прекрасныя греческія изреченія. Всѣ были вполне убѣждены, что этотъ человекъ не знаетъ ни слова по гречески, и стали кричать, что это чудо изъ чудесъ; даже умные стали уже извлекать пользу изъ этой легковѣрности дураковъ, какъ вдругъ, къ несчастію, открыли, что этотъ старикъ былъ принужденъ въ ранней юности выучивать наизусть всяческія греческія изреченія, и притомъ въ при-

существом мальчика изъ знатнаго семейства, которому онъ долженъ былъ послужить поощрительнымъ примѣромъ. Онъ заучивалъ эти дѣйствительно классическія греческія фразы совершенно механически, ничего не понимая, и не вспоминалъ о нихъ пятьдесятъ лѣтъ, пока наконецъ во время его послѣдней болѣзни этотъ наборъ словъ снова не расшевелился и не ожилъ въ немъ.

Затѣмъ, Гете возвратился съ прежней шутовскою и ироніей къ огромному вознагражденію высшаго англійскаго духовенства, и затѣмъ разсказалъ о своемъ столкновеніи съ лордомъ Бристолемъ, епископомъ дербійскимъ.

— Лордъ Бристоль, разсказывалъ Гете, — проѣзжая черезъ Іену, пожелалъ познакомиться со мною, и принудилъ меня отправиться къ нему разъ вечеромъ. Ему нравилось при случаѣ быть грубымъ; но, если ему отвѣчали такъ же грубо, то онъ становился весьма сговорчивъ. Ему вздумалось, во время разговора, прочесть мнѣ проповѣдь насчетъ *Вертера* и взвалить на мою совѣсть, будто я этой книгой вовлекаю людей въ самоубійство. «*Вертеръ*», сказалъ онъ, «вполнѣ безнравственная, достойная проклятій книга». — Позвольте! вскричалъ я. Если вы ведете такія рѣчи о бѣдномъ *Вертерѣ*, то какимъ же тономъ заговорите вы противъ великихъ міра сего, которые сразу посылаютъ въ походъ по сто тысячъ человѣкъ, изъ коихъ восемьдесятъ тысячъ убиваютъ другъ друга и распаляютъ другъ друга къ убійству, пожару и грабежу? Вы благодарите Бога за такія ужасы и поете *Te Deum*. И далѣе, вы своими проповѣдями объ ужасахъ наказаній въ аду до того застрашиваете слабыя души своихъ прихожанъ, что они лишаются разсудка и

наконецъ оканчиваютъ свое бѣдственное состояніе въ домахъ сумасшедшихъ! Или когда вы своими ортодоксальными, непонятными для разума ученіями сѣете въ душахъ вашихъ христіанъ-слушателей пагубныя сѣмена сомнѣнія, такъ что эти полуслабыя, полусильныя души теряются въ лабиринтѣ, изъ котораго для нихъ нѣтъ иного выхода, кромѣ смерти ¹⁾. Что вы тогда говорите самому себѣ, и какъ упрекаете себя!—А вы тянете на судъ писателя и хотите проклясть сочиненіе, которое, будучи ложно понято нѣкоторыми ограниченными умами, по самой большой мѣрѣ освободило міръ отъ дюжины дураковъ и негодяевъ, которые ничего лучшаго и не могли сдѣлать, какъ вполне задуть слабые остатки своего огонька! Я думалъ, что оказалъ человѣчеству истинную услугу и заслужилъ его благодарность, а вотъ являетесь вы и ставите мнѣ въ преступленіе этотъ небольшой геройскій подвигъ, между тѣмъ какъ вы, пастыри и князья, позволяете себѣ совершать дѣла столь великія и сильныя!—Эта выходка оказала великолѣпное дѣйствіе на моего епископа. Онъ сталъ кротокъ, какъ агнецъ, и въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ обращался со мною съ величайшей вѣжливостью и самымъ утонченнымъ тактомъ. Я

¹⁾ Въ одной статьѣ, написанной еще въ 1772 г., Гете говоритъ: «Есть тысячи людей, которые любили бы Христа, какъ друга, еслибъ имъ изображали его, какъ друга, а не какъ своевольнаго тирана, который постоянно готовъ поразить громомъ все, что не является полнымъ совершенствомъ. Я давно уже убѣжденъ въ этомъ въ сердцѣ своемъ, и долженъ высказать, что Вольтеръ, Юмъ, Ла-Мертри, Гельвецій, Руссо и всѣ ихъ ученики далеко не принесли такого вреда религіи и нравственности, какъ жестокое ученіе больного Паскаля и его школы». Слова Гете имѣютъ въ виду тонъ и направленіе тогдашнихъ проповѣдниковъ.

очень пріятно провелъ съ нимъ вечеръ, ибо лордъ Бристоль, какъ онъ ни былъ грубъ, былъ все же умный и свѣтскій человѣкъ, способный входить въ самые разнообразныя интересы. При моемъ уходѣ онъ проводилъ меня до дверей и поручилъ своему аббату проводить меня дальше. Когда мы вышли съ аббатомъ на улицу, то онъ воскликнулъ: «О, г. фонъ Гете, какъ вы великолѣпно говорили, и какъ вы понравились лорду, и какъ поняли въ чемъ состоитъ тайна найти дорогу къ его сердцу! Будь вы менѣе рѣзки и рѣшительны, вы ушли бы домой не испытывая того удовольствія отъ вашего посѣщенія, какъ теперь» ¹⁾.

— Вамъ многое пришлось перенести изъ-за *Вертера*, замѣтилъ я.—Ваше приключеніе съ лордомъ Бристолемъ напоминаетъ мнѣ вашъ разговоръ съ Наполеономъ о томъ же предметѣ. Вѣдь и Таллейранъ присутствовалъ при этомъ?

— Да, присутствовалъ, отвѣчалъ Гете.—Но мнѣ нѣтъ причины жаловаться на Наполеона. Онъ былъ со мною въ высшей степени любезенъ, и рассу-

¹⁾ Этотъ анекдотъ напоминаетъ другой, рассказанный Фалькомъ. Въ 1810 г. Гете былъ въ Теплицѣ въ одно время съ голландскимъ королемъ, Людовикомъ, братомъ Наполеона. Король выбралъ для своего помѣщенія тотъ домъ, гдѣ жилъ Гете; послѣдній хотѣлъ выѣхать и предоставить весь домъ въ распоряженіе короля, но король не допустилъ этого. Ихъ квартиры приходились одна подлѣ другой. Гете весьма хвалилъ короля, котораго очень любилъ, и удивлялся его рѣдкой добротѣ, необыкновенной кротости и просвѣщенному благочестію. У короля Гете встрѣчалъ нѣкотораго учителя церкви, который выражалъ католическую нетерпимость и порой говорилъ о «церкви, въ которой нѣтъ спасенія»; король, напротивъ, никогда не употреблялъ такого выраженія. «Въ такихъ случаяхъ», рассказывалъ Гете, «я всегда сдерживалъ себя, на сколько возможно

ждалъ такъ, какъ и можно было ожидать отъ такого величаваго ума.

Отъ *Вертера* разговоръ перешелъ къ романамъ и драмамъ вообще, и къ ихъ нравственному или безнравственному вліянію на публику.

— Было бы плохо, сказалъ Гете, — если бы книга производила болѣе безнравственное впечатлѣніе, чѣмъ сама жизнь, гдѣ въ изобиліи ежедневно происходятъ скандалезныя сцены, если и не передъ нашими глазами, то все же передъ нашими ушами. Даже относительно дѣтей не слѣдуетъ ужъ такъ беспокоиться, чтобъ предотвратить ихъ отъ вліянія книги или театральной піесы. Ежедневная жизнь, повторяю, поучительнѣе производящей самое сильное впечатлѣніе книги.

— Но, замѣтилъ я, — всѣ остерегаются говорить при дѣтяхъ такія вещи, которыя имъ не годится слушать.

— И это весьма похвально, отвѣчалъ Гете, — я и самъ поступаю такъ же; однако, такую предосторожность я считаю бесполезной. У дѣтей, какъ у собакъ, такое острое и тонкое чутье, что они все

но разъ, послѣ цѣлаго ряда выходовъ этого учителя противъ опасности отъ книгъ и печати, я не выдержалъ и преподнесъ ему такой отвѣтъ: «Если ужъ говорить объ опасности, то несомнѣнно съ точки зрѣнія всемірной исторіи, что самая опасная изъ всѣхъ книгъ — Библія, потому что нѣтъ книги, которая имѣла бы большее вліяніе на развитіе человѣчества, и принесла бы больше ея, какъ пользы, такъ и вреда». Проговоривъ это, я немного испугался, подумавъ, что мина можетъ взорвать какъ направо, такъ и налево. Но случилось, къ счастью, иное. Я видѣлъ, какъ «учитель» то блѣднѣлъ, то краснѣлъ при моихъ словахъ, но король сохранилъ и кротость, и никогда не покидавшій его дружескій тонъ, и какъ-бы шутя проговорилъ: «А вѣдь порой и прорывается, что г. Гете еретикъ».

узнають и пронюхаютъ, и худое раньше всего. Они знаютъ также вполне точно, въ какомъ отношеніи находятся ихъ родители къ тому или другому изъ друзей дома, но еще не прибѣгаютъ къ притворству, а потому могутъ служить превосходнымъ барометромъ, по которому мы можемъ судить, благосклонно или нѣтъ думаютъ о насъ въ домѣ.—Разъ обо мнѣ дурно говорили въ обществѣ, и при томъ дѣло для меня было такъ важно, что мнѣ хотѣлось разузнать, откуда былъ направленъ ударъ. Вообще, ко мнѣ здѣсь всюду относились доброжелательно; я думалъ и на того, и на другого, и никакъ не могъ рѣшить, кѣмъ пущенъ про меня враждебный слухъ. Вдругъ все объяснилось. Именно, встрѣчаются мнѣ однажды на улицѣ знакомые мнѣ маленькіе мальчики и противъ обыкновенія не кланяются со мной. Для меня этого было довольно, и такимъ путемъ я вскорѣ открылъ, что именно ихъ любезные родители такъ злобно почесали язычки на мой счетъ.

Воскресенье, 21-го марта 1830.

Обѣдалъ у Гете. Онъ тотчасъ же заговорилъ о предстоящемъ мнѣ и его сыну путешествіи, и предупредилъ, чтобъ мы не ждали отъ него слишкомъ многого.

— Обыкновенно, возвращаешься такимъ же, какъ и уѣхалъ, сказалъ Гете; — слѣдуетъ даже остерегаться, чтобъ не пріѣхать съ такими мыслями, которыя не подходятъ къ нашему состоянію. Такъ, я вывезъ изъ Италіи представленіе о красивыхъ лѣстницахъ, и тѣмъ очевидно испортилъ свой домъ, потому что всѣ комнаты вышли меньше, чѣмъ слѣдовало. Главное, научиться властвовать надъ самимъ

собою. Еслибъ я себя не сдерживаль, то по своимъ склонностямъ разорилъ-бы и себя, и все меня окружающее.

Затѣмъ мы говорили о болѣзненныхъ состояніяхъ тѣла и о взаимодѣйствіи тѣла и духа.

— Не вѣроятно, сказалъ Гете, — какое вліяніе можетъ оказывать духъ на поддержаніе тѣла. Я часто страдаю тяжестью въ нижней части живота, но, благодаря волѣ духа и силамъ верхней части, держусь на ногахъ. Но духъ не долженъ насилловать тѣла! Такъ, я работаю легче при высокомъ барометрѣ, чѣмъ при низкомъ ¹⁾; зная это, я стараюсь, при низкомъ барометрѣ, устранить вредное вліяніе болѣшимъ напряженіемъ, и это мнѣ удается. Но при поэтическихъ работахъ нельзя принудить себя написать нѣкоторыя вещи, и тогда слѣдуетъ ждать отъ расположенія того, чего нельзя достигнуть волей. Такъ, теперь для моей *Вальпуріевой ночи* я выжидаю времени, чтобъ достигнуть во всемъ надлежащей силы и граціи. Я сильно подвинулся и надѣюсь все кончить раньше вашего отъѣзда. Что касается шпилекъ разнымъ личностямъ, то я освободилъ ихъ отъ прямыхъ указаній и оставилъ только общее; правда, читатель увидитъ, что тутъ есть намекъ, но никто не будетъ знать, къ кому именно онъ относится. Впрочемъ, я старался, чтобъ все было изображено въ античномъ вкусѣ, въ отчетливыхъ контурахъ, и чтобъ не было ничего туманнаго, неопредѣленнаго, свойственнаго романтической поэзіи. — Понятіе о классической и романтической поэзіи теперь обошло весь свѣтъ, и породило множество

¹⁾ Шиллеръ, напротивъ, чувствовалъ себя лучше при низкомъ барометрѣ.

споровъ и раздоровъ; оно первоначально вышло отъ насъ съ Шиллеромъ. Я въ поэзиі признавалъ объективную обработку сюжета, и держался только ея. Шиллеръ-же работалъ вполне субъективно, считая, что такъ и слѣдуетъ поступать, и, чтобъ защитить себя, написалъ статью о наивной и сентиментальной поэзиі. Онъ доказывалъ мнѣ, что я самъ, противъ воли, романтикъ и что моя *Ифигенія*, благодаря преобладанію чувства, вовсе не такое классическое, въ античномъ вкусѣ, произведеніе, какъ, быть можетъ, думаютъ. Шлегели подхватили эту мысль, развили ее, и теперь она распространилась по всему свѣту, и всякій толкуетъ о классицизмѣ и романтизмѣ, о чемъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ никто и не думалъ.

Я снова заговорилъ о циклѣ двѣнадцати статуй¹⁾, и Гете въ дополненіе сказалъ мнѣ слѣдующее: «*Адама* слѣдуетъ изобразить, какъ я говорилъ, но только не вполне нагого; я его лучше представляю себѣ по грѣхопадению; его слѣдуетъ одѣть тонкой кожей серны. И для того, чтобъ выразить, что онъ праотецъ человѣчества, было бы хорошо придать ему старшаго сына, упрямаго, смѣло глядящаго вокругъ мальчика, маленькаго Геркулеса, который рукою давитъ змѣю. И о *Нонѣ* теперь я думаю иначе, и такъ мнѣ лучше нравится; я не сталъ бы его сближать съ индійскимъ Вакхомъ, а представилъ бы его какъ виноградаря, причемъ можно бы счесть его за нѣ котораго рода освободителя, который, какъ первый воздѣлыватель винограда, освободилъ человѣчество отъ горя, заботъ и затруднительныхъ обстоятельствъ».

¹⁾ Ср. выше подъ 16-мъ этого же мѣсяца.

Среда, 24-го марта 1830.

Обѣдалъ у Гете; веселый разговоръ. Онъ разсказывалъ мнѣ о французскомъ стихотвореніи, которое было получено въ видѣ рукописи при посылкѣ Давида, и носитъ заглавіе *Le rire de Mirabeau*¹⁾.

«Въ стихахъ много ума и смѣлости», сказалъ Гете; «вамъ слѣдуетъ прочесть ихъ. Кажется, точно Мефистофель готовилъ чернила для поэта. У него есть талантъ, если онъ написалъ стихи, не читая *Фауста*; а если и читалъ, то все же у него есть талантъ».

Понедѣльникъ, 29-го марта 1830.

Вечеромъ на нѣсколько минутъ у Гете. Онъ былъ очень спокоенъ и веселъ, и въ самомъ нѣжномъ расположеніи духа. Онъ сидѣлъ со своимъ внукомъ Вольфомъ и графиней Каролиной Эглоффштейнъ, своимъ близкимъ другомъ. Вольфъ всячески тормозилъ своего милаго дѣдушку. Онъ карабкался на него, и садился то на одно, то на другое плечо. Гете съ большой нѣжностью сносилъ все, хотя тяжесть десятилѣтняго мальчика, конечно, беспокоила его. «Милый Вольфъ», сказала графиня, «не приставай-же такъ неотвязно къ доброму дѣдушкѣ! вѣдь ему должно быть тяжело и онъ усталъ». — Ничего, отвѣчалъ Вольфъ, — мы скоро пойдемъ спать, и тогда у дѣдушки будетъ время совсѣмъ отдохнуть отъ усталости. — «Видите», замѣтилъ Гете, «что у любви всегда бываетъ нѣсколько нахальный характеръ».

¹⁾ Стихотвореніе написано Карделье-Делану, ум. въ 1854; оно напечатано въ сборникѣ *les Sillons*, появившемся въ Парижѣ въ 1855.

Разговоръ обратился къ Кампе и его сочиненіямъ для дѣтей¹⁾. «Я только дважды въ жизни встрѣчался съ Кампе», сказалъ Гете. «Послѣ промежутка въ сорокъ лѣтъ я наконецъ увидѣлъ его въ Карльсбадѣ. Онъ очень постарѣлъ, высохъ, сталъ черствъ и принужденъ въ обращеніи. Всю свою долгую жизнь онъ писалъ только для дѣтей; я же ничего не писалъ для дѣтей, даже для взрослыхъ двадцатилѣтнихъ дѣтей. Поэтому онъ меня терпѣть не могъ. Я былъ для него тернъ въ глазу, камень преткновенія, и онъ всевозможно избѣгалъ меня. Но однажды случай столкнулъ насъ, и ему нельзя было не сказать мнѣ нѣсколько словъ. «Я весьма уважаю ваши умственные способности», сказалъ онъ «въ различныхъ родахъ вы достигли изумительной высоты. Но, видите ли, для меня все это вещи неподходящія, и я не могу имъ придавать той цѣны, какую придаютъ другіе». Эта нѣсколько невѣжливая откровенность нисколько меня не обидѣла, и я наговорилъ ему, напротивъ, всякихъ любезностей. Я въ самомъ дѣлѣ высокаго мнѣнія о Кампе. Онъ оказалъ дѣтямъ неисчислимыя услуги; онъ предметъ ихъ восторга и, такъ-сказать, ихъ евангеліе. Я желалъ бы, чтобъ онъ былъ подвергнутъ наказанію только за двѣ, за три страшныя исторіи, которыя имѣлъ неловкость не только написать, но и включить въ свой сборникъ для дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ обременять такими ужасами радостную свѣжую и невинную дѣтскую фантазію?»

¹⁾ Кампе (1746 — 1818) написалъ множество дѣтскихъ книгъ. У насъ была въ большомъ ходу его передѣлка *Робинсона* для дѣтей. Д. А.

Понедѣльникъ, 5-го апрѣля 1830.

Извѣстно, что Гете не любитъ очковъ.

— Съ моей стороны, говорилъ онъ мнѣ не разъ, — это, можетъ быть, чудачество, но я никакъ не могъ побороть его. Какъ только ко мнѣ входитъ незнакомый человѣкъ съ очками на носу, на меня нападаетъ смущеніе, съ которымъ я не могу справиться. Это до того меня стѣсняетъ, что большая часть моего благорасположенія тотчасъ же исчезаетъ, и до того разстраиваетъ меня, что нечего и думать о нестѣсненномъ и естественномъ развитіи мыслей. На меня очки производятъ впечатлѣніе невѣжливости, въ родѣ того, какъ если бъ незнакомый человѣкъ, видя васъ въ первый разъ, сказалъ вамъ грубость. Съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько лѣтъ тому напечаталъ, какъ мнѣ непріятны очки, они дѣйствуютъ на меня еще сильнѣе¹⁾. Когда входитъ незнакомый человѣкъ въ очкахъ, я тотчасъ думаю: онъ не читалъ твоихъ послѣднихъ стихотвореній, и это уже не говорить въ его пользу; или же онъ ихъ читалъ, знаетъ твою странность, и бравируетъ передъ тобою, — что еще хуже. Единственный человѣкъ, у котораго очки меня не стѣсняютъ — Цельтеръ; у всѣхъ другихъ они на меня дѣйствуютъ роковымъ образомъ. Мнѣ всегда кажется, что я становлюсь предметомъ ближайшаго изслѣдованія; что они своими вооруженными глазами хотятъ проникнуть мнѣ въ глубь души и высмотрѣть малѣйшія морщинки на моемъ старомъ лицѣ. Но, желая узнать меня, они уничтожаютъ между нами законное ра-

¹⁾ Стихотвореніе называется *Feindseliger Blick* (Враждебный взглядъ).

венство, потому что сами, къ моей невыгодѣ, препятствуютъ узнать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаю я о человѣкѣ, которому не могу смотрѣть въ глаза, когда онъ говоритъ, и чье зеркало души скрыто отъ меня парой слѣпящихъ меня стеколъ.

— Кто-то, сказалъ я,—сдѣлалъ замѣчаніе, будто люди отъ того, что носятъ очки, становятся надменны; очки возвышаютъ ихъ чувство зрѣнія до извѣстной степени совершенства, которая далеко превосходитъ ихъ природную способность, и вотъ постепенно они поддаются самообману, будто это искусственное совершенство составляетъ принадлежность ихъ собственной натуры.

— Замѣчаніе очень остроумно, отвѣчалъ Гете;— оно, повидимому, сдѣлано натуралистомъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, его нельзя принять. Если бъ такъ было въ дѣйствительности, то всѣ слѣпые были бы очень скромными людьми, и всѣ, у кого хорошіе глаза, людьми надменными. А этого вовсе не бываетъ; скорѣе мы видимъ, что всѣ люди, отъ природы одаренные какъ умственно, такъ и физически,—самые скромные; напротивъ, всѣ люди съ недостатками, особенно умственными, думаютъ о себѣ слишкомъ много. Кажется, что милосердая природа всѣмъ, кто вышелъ недодѣланнымъ въ высшемъ отношеніи, ради восполненія и уравниенія, даровала воображеніе и надменность.—Притомъ скромность и надменность принадлежатъ къ нравственнымъ качествамъ столь духовнаго свойства, что у нихъ мало отношенія къ тѣлу. Люди ограниченные и умственно-темные—надменны; умственно-зрячіе и высокоодаренные—никогда не бываютъ надменны. У нихъ въ высшей степени есть радостное сознаніе своей силы, но именно потому, что эта сила у

нихъ дѣйствительно есть, это сознаніе совсѣмъ иного рода, и вовсе не похоже на надменность.

Мы говорили о разныхъ вещахъ, и наконецъ дошли до *Хаоса*, веймарской, издаваемой г-жой фонъ Гете газеты, въ которой принимаютъ участіе не только здѣшніе господа и дамы, но также, и особенно, живущіе здѣсь молодые англичане, французы и другіе иностранцы, такъ что каждый почти номеръ представляетъ смѣсь всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ европейскихъ языковъ¹⁾.

— Это милая затѣя моей дочери, сказалъ Гете, — и ей надо воздать хвалу и благодарность за то, что она основала этотъ весьма оригинальный журналъ и сумѣла имъ настолько заинтересовать наше общество, что журналъ выходитъ уже съ годъ. Конечно, это просто дилетантская забава, и я прекрасно знаю, что изъ нея не выйдетъ ничего большого и долговѣчнаго; все же это мило, и въ извѣстной мѣрѣ служить зеркаломъ умственной высоты нынѣшняго веймарскаго общества. И, главное, она даетъ занятіе нашимъ молодымъ господамъ и дамамъ, а они весьма часто не знаютъ, что имъ дѣлать; у нихъ есть теперь умственный центръ, который доставляетъ имъ предметы для разговоровъ и бесѣдъ, и такимъ образомъ предохраняетъ ихъ отъ пустыхъ и порожнихъ сплетенъ. Я читаю каждый номеръ, тотчасъ по выходѣ, и могу сказать, что мнѣ вообще не попадалось ничего дурного, а скорѣе кое-какія весьма хорошія вещи. Что вы, примѣръ, скажете противъ элегіи г-жи фонъ Бех-

¹⁾ Ср. выше, подъ 14-мъ февраля 1830. Журналъ доставлялся только тѣмъ, кто принималъ въ немъ участіе. Самъ Гете помѣстилъ въ немъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній.

тольсгеймъ на смерть великой герцогини-матери? Развѣ стихи не вполне хороши? Единственно, что можно сказать противъ нихъ, также какъ и противъ большинства нашихъ молодыхъ господъ и дамъ, состоитъ въ томъ, что они, подобно богатымъ сокомъ деревьямъ, расплещающимъ чужеядныя растенія, обладаютъ излишкомъ мыслей и чувствъ, которыми не умѣютъ владѣть, а потому рѣдко ограничиваютъ себя и не умѣютъ остановиться во время. То же можно сказать и о г-жѣ фонъ Бехтольсгеймъ. Чтобъ сохранить риѳму, она написала стихъ, который повредилъ всему стихотворенію и въ извѣстной мѣрѣ испортилъ его. Я замѣтилъ эту ошибку еще въ рукописи, и могъ бы исправить ее благо- временно. Нужна долгая практика, смѣясь добавилъ онъ, — чтобъ понимать, какъ слѣдуетъ вычеркивать. Шиллеръ въ этомъ отношеніи былъ большимъ мастеромъ. Когда онъ издавалъ *Альманахъ музъ*, то однажды помпезную поэму въ двадцать двѣ строфы онъ превратилъ въ семь строфъ, и произведеніе нисколько не пострадало отъ этой страшной операціи; напротивъ, въ этихъ семи строфахъ сохранились всѣ лучшія и наиболѣе поразительныя мысли двадцати двухъ.

Понедѣльникъ, 19-го апрѣля 1830.

Гете рассказывалъ о посѣщеніи двухъ русскихъ, которые были у него сегодня. «Вообще», сказалъ онъ, «они прекрасные люди, но одинъ былъ относительно меня нелюбезенъ; за все время визита онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ вошелъ, молча поклонился, за все время и рта не открылъ, и черезъ полъ-часа ушелъ съ молчаливымъ поклономъ. Онъ, кажется, приходилъ единственно за-

тѣмъ, чтобы посмотрѣть и понаблюдать меня. Я сидѣлъ насупротивъ ихъ, и онъ не сводилъ съ меня глазъ. Это мнѣ надоѣло, и я пустился болтать всякія глупости, какія только приходили въ голову. Кажется, я сталъ толковать о Соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, и говорилъ легкомысленно, безъ разбора и то, что зналъ, и то, чего не зналъ. Но обоимъ иностранцамъ это, кажется, понравилось, потому что они ушли, по видимому, довольные».

Среда, 21-го апрѣля 1830.

Я сегодня простился съ Гете; мой отъѣздъ въ Италію съ его сыномъ, камергеромъ, назначенъ завтра рано утромъ. Мы говорили о предстоящемъ путешествіи, и онъ особенно совѣтовалъ лучше наблюдать и отъ времени до времени писать ему. Я былъ очень взволнованъ, разставаясь съ Гете; но утѣшался его крѣпкимъ и здоровымъ видомъ и увѣренностью въ счастливомъ свиданіи. Когда я уходилъ, то онъ подарилъ мнѣ альбомъ, куда вписалъ слѣдующія слова:

Оно прошло, раньше чѣмъ я разсмотрѣлъ,	
И превратилось раньше, чѣмъ я замѣтилъ. <i>Ювв.</i>	
Веймаръ	Отправляющемуся въ путь
21-го апрѣля 1830.	Гете ¹⁾ .

* Четвергъ, 22-го апрѣля 1830.

Обѣдалъ у Гете. Во время обѣда, доложили объ иностранцѣ, который приказалъ сказать, что ему нельзя оставаться долго, и что онъ долженъ уѣхать завтра утромъ. Гете велѣлъ ему сказать, что онъ,

¹⁾ Эккерманъ уѣхалъ 22-го апрѣля и былъ въ отсутствіи до 23-го ноября. Разговоры за это время записаны Сорэ.

къ великому сожалѣнію, не можетъ никого сегодня видѣть, но завтра въ полдень,—можетъ быть. «Я думаю, этого достаточно», смѣясь сказалъ онъ. Въ то же время онъ сказалъ дочери, что готовъ принять нынче послѣ обѣда молодого Геннинга, и именно благодаря его каримъ глазамъ, которые должны походить на глаза его матери.

* Среда, 12-го мая 1830.

У Гете передъ окномъ стоитъ небольшой бронзовый Моисей, копія съ знаменитой статуи Микель Анджело. Мнѣ показалось, что руки по отношенію ко всему тѣлу слишкомъ велики, и я высказалъ это Гете.

— А двѣ тяжелыя скрижали съ десятью заповѣдями! съ живостью вскричалъ онъ, — или вы думаете, что нести ихъ ничего не значило? Или вы полагаете также, что Моисей, которому приходилось повелѣвать и обуздывать іудейское войско, могъ довольствоваться обыкновенными руками?

Говоря это, Гете смѣялся, такъ что я и самъ не знаю, ошибся-ли я, или же онъ шутилъ, защищая художника.

* Понедѣльникъ, 2-го августа 1830.

Извѣстія о начавшейся іюльской революціи дошли сегодня до Веймара и взволновали всѣхъ. Послѣ полудня я зашелъ къ Гете.

— Ну, встрѣтилъ онъ меня, — что вы думаете объ этомъ великомъ событіи? Вулканъ началъ изверженіе; все въ пламени, и это уже не бесѣда при закрытыхъ дверяхъ!

— Ужасное событіе! отвѣчалъ я. — Но чего же было и ожидать при извѣстныхъ обстоятельствахъ

и при такомъ министерствѣ, какъ не того, что все окончится изгнаніемъ нынѣшней королевской семьи?

— Мы, любезнѣйшій, кажется не понимаемъ другъ друга, отвѣчалъ Гете. — Я вовсе не о нихъ говорю; меня занимаютъ совсѣмъ другія вещи. Я говорю о публичномъ обсужденіи въ академіи столь важнаго для науки спора между Кювье и Жоффруа де Сентъ-Илеромъ.

Этотъ отвѣтъ Гете былъ для меня столь неожиданъ, что я не зналъ что сказать, и нѣсколько минутъ въ моихъ мысляхъ былъ полный перерывъ.

— Предметъ въ высшей степени важный, продолжалъ Гете, — и вы не можете себѣ представить, что я чувствовалъ при извѣстии о засѣданіи 19-го іюля. Теперь, мы въ Жоффруа де Сентъ-Илерѣ навсегда приобрѣли могущественнаго союзника. Въ то-же время, я вижу, какое сильное участіе принимаетъ въ этомъ обстоятельствѣ французскій ученый міръ; не смотря на страшное политическое возбужденіе, зала въ засѣданіе 19-го іюля была полна. Самое же главное въ томъ, что введенный во Франціи Жоффруа синтетическій методъ изученія природы теперь уже остановить нельзя. Благодаря свободному обсужденію въ академіи, и притомъ въ присутствіи большой публики, дѣло стало теперь гласнымъ, и его нельзя уже отослать въ тайный комитетъ и тамъ уничтожить и заглушить при закрытыхъ дверяхъ. Отнынѣ и во Франціи, при испытаніи природы, духъ будетъ господствовать и властвовать надъ матеріей. Будутъ взирать на великіе законы творенія, въ таинственную мастерскую Бога! Въ самомъ дѣлѣ, во что обратится изслѣдованіе природы, если мы станемъ только аналитическимъ путемъ имѣть дѣло съ отдѣльными частями матеріи, и не будемъ чувство-

вать дыханія Божія, которое предписываетъ направленіе каждой частицѣ и, при помощи соприсущаго закона, ограничиваетъ или санкціонируетъ всякое отклоненіе. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я тружусь надъ этимъ великимъ дѣломъ; вначалѣ уединенно, затѣмъ встрѣтивъ поддержку и наконецъ, къ моей великой радости, родственные умы превзошли меня. Когда я послалъ мой первый взглядъ на междучелюстную кость къ Петру Камперу, то на него, къ моему душевному огорченію, вовсе не обратили вниманія. У Блюменбаха мнѣ тоже не посчастливилось, хотя позже, при личномъ знакомствѣ, онъ и сталъ на мою сторону. Но я встрѣтилъ затѣмъ сомышленниковъ въ Земмеррингѣ, Окенѣ, д'Альтонѣ, Карусѣ и другихъ замѣчательныхъ людяхъ. Теперь и Жоффруа Сентъ-Илеръ рѣшительно на нашей сторонѣ, а съ нимъ всѣ его замѣчательные ученики и послѣдователи во Франціи. Это событіе для меня неосцѣненно, и я по праву торжествую, что наконецъ дожился до общаго признанія дѣла, которому посвятилъ мою жизнь и которое по преимуществу — мое.

* Суббота, 21-го августа 1830.

Я рекомендовалъ Гете подающаго надежды молодого человѣка. Онъ обѣщалъ кое-что для него сдѣлать, но по видимому не очень довѣрялъ ему.

«Кто, какъ я», сказалъ онъ, «цѣлую жизнь тратилъ драгоценное время и деньги на покровительство молодымъ талантамъ, — и притомъ талантамъ, которые въ началѣ возбуждали величайшія надежды и изъ которыхъ въ концѣ ничего не выходило, — у того постепенно должны пройти и охота, и энтузіазмъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Теперь

вамъ, молодымъ людямъ, слѣдуетъ разыгрывать Меценатовъ и взяться за мою роль».

При этомъ, я сравнилъ обманчивыя обѣщанія юности съ деревьями, которыя дважды цвѣтутъ, но плодовъ не приносятъ.

* Среда, 13-го октября 1830,

Гете показывалъ мнѣ таблицы, куда онъ вписалъ по латыни и по-нѣмецки имена многихъ растеній, чтобъ выучить ихъ наизусть. Онъ сказалъ мнѣ, что у него цѣлая комната была обвѣшана такими таблицами, и онъ, ходя вокругъ стѣнъ, заучивалъ ихъ. «Мнѣ жаль», добавилъ онъ, «что ихъ потомъ задѣлали. Была у' меня и другая комната, которая была въ теченіе годовъ исписана моими хронологическими замѣтками, при чемъ я вносилъ всѣ новыя событія. И эту, къ несчастію, перекрасили, и я не меньше жалѣю о ней; теперь она могла бы оказать мнѣ огромную услугу».

* Среда, 20-го октября 1830.

Заходилъ на часокъ къ Гете, чтобъ поговорить съ нимъ по порученію великой герцогини на счетъ серебрянаго щита съ гербомъ, который принцъ, какъ сочленъ, даритъ здѣшнему обществу стрѣлковъ изъ лука¹⁾. Вскорѣ разговоръ обратился на другіе предметы, и Гете просилъ меня сказать свое мнѣніе о сенъ-симонистахъ.

— Главное направленіе ихъ ученія, сказалъ я, — по видимому состоитъ въ томъ, что всякій долженъ трудиться для общаго блага и что въ этомъ состоитъ неизмѣнное условіе его собственнаго блага.

²⁾ Ср. Томъ I, стр. 194 и слѣд.

— Я полагалъ, замѣтилъ Гете, — что каждый долженъ бы начинать съ себя и устроить свое собственное благо, откуда неминуемо послѣдуетъ и общее благо. Мнѣ это ученіе кажется вполнѣ непрактичнымъ и неисполнимымъ. Оно противорѣчитъ всей природѣ, всему опыту и ходу дѣлъ въ теченіе столѣтій. Если всякій отдѣльно исполняетъ свою обязанность, если каждый, въ кругу своего ближайшаго призванія, и честенъ, и дѣловитъ, то и общее благосостояніе будетъ процвѣтать. Я относительно моего призванія, какъ писатель, никогда не спрашивалъ: чего хочетъ масса и какую пользу принесу я обществу? я всегда старался о томъ, чтобъ стать проникательнѣе и лучше, чтобъ возвысить достоинство собственной личности, и затѣмъ высказывать всегда то, что я признаю хорошимъ и справедливымъ. Это, конечно, — я не стану отрицать, — производило дѣйствіе и оказывало пользу въ очень большомъ кругу; но это не было цѣлью, а только необходимымъ *послѣдствіемъ*, какъ то бываетъ при всѣхъ проявленіяхъ естественныхъ силъ. Еслибъ я, какъ писатель, поставилъ себѣ цѣлью желанія толпы, и старался бы о томъ, чтобъ удовлетворить ихъ, то я рассказывалъ бы разныя исторіи и дурачилъ бы всѣхъ, какъ покойный Котцебу.

— Противъ этого нечего возразить, сказалъ я. — Но, кромѣ счастья, которымъ я наслаждаюсь, какъ отдѣльная личность, есть еще счастье гражданина и члена большой общины. И если достиженіе возможнаго блага не будетъ поставлено въ принципъ, то на чемъ же будетъ основываться законодательство?

— Если вы идете такъ далеко, то я, конечно, ничего не стану возражать, отвѣчалъ Гете. — Но въ

такомъ случаѣ вашимъ принципомъ могутъ воспользоваться только немногіе избранные. Онъ можетъ служить рецептомъ для государей и законодателей; но мнѣ и при этомъ кажется, что законы должны болѣе стремиться къ тому, чтобъ уменьшить массу золь, чѣмъ задаваться тѣмъ, чтобъ даровать массу благъ.

— И то и другое сводится къ одному, возразилъ я. — Напримѣръ, дурныя дороги кажутся мнѣ большимъ зломъ. Но, если государь въ своихъ владѣніяхъ проведетъ хорошія дороги до послѣдней деревни, то онъ не только уничтожитъ большое зло, но въ то же время принесетъ своему народу великое благо. Далѣе, медленное судопроизводство — великое зло. Но, если государь введеніемъ гласнаго и устнаго судовоговоренія обезпечитъ своему народу скорый судъ, то онъ опять не только устранилъ большое зло, но и принесетъ большое благо...

— На эту тему я могъ бы спѣть вамъ еще и другія пѣсни, прервалъ меня Гете. — Но не станемъ оглашать другихъ золь; пусть человѣчеству останется кое-что, на чемъ бы оно могло развивать свои силы. Пока же мое ученіе существенно заключается въ слѣдующемъ: пусть отецъ заботится о своемъ домѣ, ремесленникъ о своемъ ремеслѣ, духовные о взаимной любви, а полиція не мѣшаетъ веселиться.

* *
*

Эккерманъ отправился въ Италію, 22-го апрѣля. Въ Венеціи онъ заболѣлъ лихорадкой, и съ тѣмъ вмѣстѣ обезпокоился объ участи записанныхъ имъ и оставленныхъ на родинѣ «разговоровъ». Слѣдомъ, его стала мучить тоска по родинѣ, и онъ рѣшился возвратиться. Проводивъ сына Гете до Генуи, онъ

отправился въ обратный путь. 20-го Ноября, въ Геттингенѣ, за табльдотомъ въ гостинницѣ, онъ нечаянно узналъ, что сынъ Гете умеръ внезапно въ Римѣ отъ удара. «Меня заботило больше всего то», пишетъ онъ, «что Гете въ глубокой старости, и не перенесетъ страшнаго потрясенія отеческихъ чувствъ. «И какое впечатлѣніе», говорилъ я себѣ, «произведетъ на него твое возвращеніе: ты уѣхалъ съ его сыномъ, а теперь возвращаешься одинъ. Увидѣвъ тебя, онъ въ первый разъ почувствуетъ, что лишился сына». Гете твердо вынесъ и этотъ ударъ, хотя эта твердость, какъ увидятъ читатели, чуть не стоила ему жизни.

Извѣстіе о смерти сына ему сообщилъ канцлеръ Миллеръ; его глаза наполнились слезами, и онъ сказалъ: *Non ignoravi me mortalem genuisse!* (Я зналъ, что рожденъ смертнымъ). 21-го Ноября Гете писалъ Цельтеру: «кажется, судьба убѣждена, что наше тѣло не ткань изъ нервовъ, венъ, артерій и другихъ столь же слабыхъ органовъ, а ткань изъ металлическихъ проволокъ! Насъ можетъ поддерживать здѣсь только великая идея долга. Моя единственная забота — поддержать физическое равновѣсіе; остальное пойдетъ само собою. Духъ желаетъ, и тѣло обязано; тому, кто твердо начерталъ путь для воли, нечего много беспокоиться объ остальномъ». Позже, вспоминая о смерти сына, Гете писалъ къ тому же Цельтеру: «Впередъ!.. впередъ по могиламъ!»

Послѣ этого необходимаго отступленія, возвращаемся къ дневнику Эккерманна.

Вторникъ, 23-го ноября 1830.

Едва поздоровавшись съ моими хозяевами, я прямо отправился въ домъ Гете. Я зашелъ сперва къ г-жѣ фонъ Гете. Я засталъ ее въ полномъ траурѣ, но спокойной и покорной судьбѣ. Мы долго говорили. Затѣмъ я сошелъ внизъ, къ Гете. Онъ стоялъ прямо и твердо, и обнялъ меня. Онъ былъ вполне спокоенъ и ясенъ духомъ. Мы сѣли, и тотчасъ же заговорили о постороннихъ вещахъ; я былъ въ высшей степени счастливъ тѣмъ, что снова съ нимъ. Онъ показалъ мнѣ два начатыхъ ко мнѣ письма, которыя онъ не отправилъ. Мы говорили о великой герцогинѣ, о принцѣ и о многомъ другомъ; о сынѣ онъ не вспомнилъ ни словомъ.

Четвергъ, 25-го ноября 1830.

Гете доставилъ мнѣ сегодня нѣсколько книгъ, присланныхъ мнѣ въ подарокъ отъ англійскихъ и нѣмецкихъ авторовъ. Я отправился къ нему обѣдать. Онъ разсматривалъ гравюры и рисунки, присланные ему для продажи. Онъ сказалъ, что великая герцогиня порадовала его сегодня посѣщеніемъ, и что онъ сообщилъ ей о моемъ пріѣздѣ.

Къ намъ присоединилась г-жа фонъ Гете, и мы сѣли за столъ. Я рассказывалъ о своемъ путешествіи. Послѣ обѣда, меня очень порадовало, что Гете завелъ рѣчь о моихъ «разговорахъ».

— Пусть это будетъ наша первая работа, сказалъ онъ, — и мы не раньше ее оставимъ, пока все будетъ готово вполне и отдѣлано на-чисто.

Впрочемъ, Гете былъ сегодня особенно молчаливъ и часто погружался въ самого себя, — что показало мнѣ недобрымъ признакомъ.

Вторникъ, 30-го ноября 1830.

Прошлую пятницу Гете не мало насъ обезпокоилъ; ночью у него сдѣлалось сильное кровоизліяніе, и цѣлый день онъ былъ недалекъ отъ смерти. Онъ потерялъ, считая съ кровопусканіемъ, шесть фунтовъ крови, что, при его восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ, весьма серіозно. Великое искусство его доктора, придворнаго совѣтника Фогеля, а равно его удивительное сложеніе, и на этотъ разъ одержали побѣду; онъ быстро поправляется, у него стали лучше аппетитъ и онъ снова спалъ всю ночь. Къ нему никого не пускаютъ, ему запрещено говорить, но его вѣчно дѣятельный умъ не можетъ успокоиться, и онъ уже думаетъ о работѣ. Нынче онъ прислалъ мнѣ слѣдующую записку, которую написалъ карандашемъ, лежа въ постели:— «Будьте добры, мой милѣйшій докторъ, просмотрите еще разъ эти, уже извѣстные вамъ, стихи, и размѣстите прилагаемые при семъ новые такъ, чтобъ они согласовались съ цѣлымъ. *Фаустъ* послѣдуетъ за этимъ. До веселаго свиданія, Гете».

Вторникъ, 30-го ноября 1830.

Послѣ быстро послѣдовавшаго полного исцѣленія, Гете обратилъ все свое вниманіе на четвертый актъ *Фауста*, и на окончаніе четвертаго тома *Правды и поэзій*.

Мнѣ онъ поручилъ редакцію своихъ небольшихъ, еще необнародованныхъ сочиненій, а также пересмотръ своего дневника и писемъ, чтобы уяснить, какъ поступить съ этимъ при будущемъ изданіи.

О совмѣстномъ съ нимъ редактированіи моихъ разговоровъ нельзя было и думать; я почелъ также, что вмѣсто того, чтобъ заниматься уже написаннымъ, разумнѣе увеличивать ихъ запасъ, пока это будетъ позволять мнѣ счастливая судьба.

1831.

* Четвергъ, 4-го января 1831.

Я перелистывалъ съ Гете нѣкоторыя тетради рисунковъ моего друга, Тепфера изъ Женевы, у котораго столь же большой писательскій, какъ художническій талантъ, хотя онъ доселѣ, по видимому, предпочиталъ выражать живыя видѣнія своего духа въ наглядныхъ образахъ, чѣмъ въ летучихъ словахъ. Тетрадь, въ которой содержатся *Приключенія доктора Фестуса*, въ легкихъ наброскахъ перомъ, производитъ вполне впечатлѣніе комическаго романа, и особенно понравилась Гете.

— Дѣйствительно, это чистое сумасбродство! восклицалъ онъ отъ времени до времени, перевертывая листъ за листомъ. — Все блещетъ умомъ и талантомъ! Нѣкоторые листы рѣшительно безподобны. Если онъ избересть въ другой разъ менѣе фривольный сюжетъ, и соберетъ всѣ свои силы, то произведетъ вещь, которая превзойдетъ всякія ожиданія.

— Его сравнивали съ Раблэ, сказалъ я, — и упрекали за подражаніе ему и за заимствованіе у него идей.

— Люди сами не знаютъ, чего хотятъ, замѣтилъ

Гете, — я ничего подобного не вижу. Напротив, Тепферъ вполне стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ, и, если я знаю вполне оригинальный талантъ, то именно его.

* Среда, 17-го января 1831.

Я засталъ Гете съ Кудрэ; они рассматривали архитектурные рисунки. Со мной была пятифранковая монета 1830 г. съ портретомъ Карла X, и я показалъ ее имъ. Гете посмѣялся надъ его черезъ-чуръ заостренной головой. «Органъ религіозности, по видимому, былъ у него весьма развитъ», сказалъ онъ. «Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе чрезмѣрнаго благочестія, онъ не считалъ нужнымъ платить долги; напротивъ, мы вмѣсто него сильно запутались и, благодаря его гениальной выходкѣ, въ Европѣ не скоро настанетъ спокойствіе».

Затѣмъ мы говорили о романѣ *Rouge et Noir*, который Гете считаетъ лучшимъ произведеніемъ Стендаля. «Но я не могу отрицать», сказалъ онъ, «что нѣкоторые изъ его женскихъ характеровъ черезъ-чуръ романтичны. Впрочемъ, всѣ они свидѣлствуютъ о большой наблюдательности и психологической проницательности автора, такъ что охотно прощаешь ему нѣкоторыя неправдоподобности въ частностяхъ».

* Вторникъ, 23-го января 1831.

Съ принцемъ у Гете. Его внуки забавляются фокусами; особенно въ нихъ отличается Вальтеръ.

— Я ничего не имѣю противъ того, сказалъ Гете, — что дѣти наполняютъ свободное время такими глупостями. При этомъ, особенно въ присутствіи небольшой публики, они отлично упражняются въ

свободной рѣчи и пріобрѣтають тѣлесную и умственную ловкость, въ чемъ у насъ, нѣмцевъ, нѣтъ особаго избытка. Вредъ небольшого 'тщеславія, которое при этомъ зарождается, вполне уравнивается указанной пользой.

— Притомъ, и зрители всегда заботятся объ уменьшеніи тщеславія, замѣтилъ я; — они обыкновенно весьма внимательно слѣдятъ за пальцами маленькаго фокусника и съ злорадствомъ осмѣиваютъ его ошибки и открываютъ, къ его досадѣ, его маленькія тайны.

— Съ ними то же, что съ актерами, сказалъ Гете; — сегодня ихъ вызываютъ, а завтра имъ шикаютъ, и все обстоитъ благополучно.

Среда, 9-го февраля 1831.

Вчера я продолжалъ съ принцемъ чтеніе *Луизы Фосса* ¹⁾, и про себя сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Прекрасное изображеніе мѣстности и внѣшнихъ положеній восхищало меня; но мнѣ показалось, что въ поэмѣ нѣтъ высокаго содержанія; это приходило мнѣ въ голову въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лицамъ въ чередующихся рѣчахъ приходится высказывать свою душу. Въ *Векфильдскомъ священникѣ* также изображены сельскій пасторъ и его семья, но поэтъ обладалъ высокимъ образованіемъ, и сообщилъ его своимъ лицамъ, которыя всѣ высказываютъ многообразныя мысли. Въ *Луизѣ* все стоитъ на уровнѣ средней ограниченной образованности, и она, конечно, вполне достаточна, чтобы удовлетворить большой кругъ читателей. Что касается стиха, то мнѣ пока-

¹⁾ Эккерманъ получилъ мѣсто преподавателя при наследномъ принцѣ.

залось, что гекзаметры слишком претенціозны для описанія такихъ ограниченныхъ обстоятельствъ, и что періоды не всегда естественно расположены, что затрудняетъ чтеніе. Сегодня я говорилъ объ этомъ съ Гете за обѣдомъ.

— Прежнія изданія этой поэмы, сказалъ онъ, — въ этомъ отношеніи лучше, и я вспоминаю, что прочелъ ее съ удовольствіемъ. Потомъ Фоссъ много надъ ней мудрилъ и, ради техническихъ причудъ, испортилъ легкость и естественность стиха. Вообще, нынче быють на технику, и господа критики начинаютъ добиваться, чтобъ *s* рифмовало *s*, а не *sz*. Будь я еще молодъ и смѣлъ, я бы нарочно пошелъ противъ всѣхъ этихъ техническихъ причудъ; я сталъ бы употреблять аллитераціи, ассонанцы и бѣдныя риѣмы; но я обращалъ бы вниманіе на главное и старался бы высказывать такія хорошія вещи, что всѣ бы восхищались, читали и заучивали наизусть.

Пятница, 11-го февраля 1831.

Сегодня за обѣдомъ Гете сказалъ мнѣ, что началъ четвертый актъ *Фауста* и думаетъ продолжать его; это меня очень порадовало.

Затѣмъ, онъ съ большой похвалой говорилъ о Карлѣ Шене, молодомъ лейпцигскомъ филологѣ, написавшемъ сочиненіе о костюмахъ въ піесахъ Эврипида ¹⁾; онъ, при большой учености, не пустился въ разсужденія, не относящіяся къ цѣли сочиненія.

«Мнѣ нравится», сказалъ Гете, «съ какимъ продуктивнымъ смысломъ онъ прямо берется за предметъ, между тѣмъ какъ другіе филологи черезъ-чуръ много возятся съ техникой и долгими, и ко-

¹⁾ De personarum in Euripides Bacchabus habitu scenico.

роткими слогами. — Признакъ непродуктивнаго времени въ томъ и состоитъ, что начинаютъ такъ входить въ техническія мелочи, а занятіе ими служить признакомъ непродуктивности человѣка.

«Существуютъ и другіе вредные недостатки. Напримѣръ, у графа Платена есть почти всѣ главныя качества хорошаго поэта; воображеніемъ, изобрѣтательностью, умомъ и продуктивностью онъ обладаетъ въ высокой степени; у него есть также полное техническое образованіе, и изученіе, и серьезность, какъ не у многихъ; но ему вредитъ его несчастная страсть къ полемикѣ. Нельзя простить такому высокому таланту, что онъ въ величественныхъ окрестностяхъ Неаполя и Рима не можетъ забыть о ничтожествахъ нѣмецкой литературы. Въ *Романтическомъ Эдипѣ* есть признаки, что Платенъ именно такой человѣкъ, который могъ бы написать лучшую нѣмецкую трагедію, особенно въ техническомъ отношеніи; но послѣ того, какъ онъ въ упомянутой піесѣ пародировалъ трагическіе мотивы, какъ ему вполнѣ серьезно писать трагедію?

«И когда, — о чемъ слишкомъ забываютъ, — подобные споры занимаютъ нашу душу, то образы нашихъ враговъ становятся для насъ привидѣніями, которыя вѣдряются во всѣ наши свободныя произведенія, и сверхъ того вносятъ раздоръ въ нѣжную натуру. Лорда Байрона погубило его полемическое направленіе, и Платену, къ чести нѣмецкой литературы, слѣдуетъ уклониться отъ такого неутишительнаго пути».

Суббота, 12-го февраля 1831.

Я читаю Новый завѣтъ, и вспоминаю картину, которую мнѣ на дняхъ показывалъ Гете: Христосъ идетъ по морю, Петръ идетъ ему на встрѣчу, и въ мгновеніе, какъ на него находитъ малодушіе, начинается тонуть.

«Это одно изъ лучшихъ сказаній», замѣтилъ Гете, «я его люблю больше другихъ. Въ немъ высказано великое ученіе, что человѣкъ вѣрою и бодрымъ духомъ побѣждаетъ труднѣйшія предпріятія; напротивъ, чуть найдетъ малѣйшее сомнѣніе, все потереяно».

Воскресенье, 13-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете. Онъ сказалъ мнѣ, что продолжаетъ четвертое дѣйствіе *Фауста*, и что теперь началось удалось ему, какъ онъ того желалъ.

— Чтѣ происходитъ, я придумалъ, какъ вы знаете, давно, сказалъ онъ;—но я все не былъ доволенъ тѣмъ какъ оно происходитъ, и теперь радъ, что мнѣ пришли хорошія мысли. Я теперь придумаю весь промежутокъ отъ *Елены* до готоваго уже пятого акта, и напишу подробный планъ; тогда я стану работать съ полнымъ спокойствіемъ и увѣренностью, и могу отдѣлывать тѣ мѣста, которыя мнѣ больше понравятся. И этотъ актъ получаетъ особый характеръ, и такимъ образомъ является маленькимъ довлѣющимъ себѣ міркомъ, который не касается другихъ и только тонкой нитью соединяется съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

— Такимъ образомъ, сказалъ я,—онъ будетъ имѣть характеръ остального; въ сущности, Ауербаховъ погребъ, кухня вѣдьмъ, Блоксбергъ, импер-

скій совѣтъ, маскарадъ, бумажныя деньги, лабораторія, классическая Вальпургіева ночь, Елена, все это вполне довлѣющіе себѣ мірки: они заключены въ самихъ себѣ; правда, они дѣйствуютъ другъ на друга, но мало подходятъ другъ къ другу. Поэту приходится изображать разнообразный міръ, и онъ пользуется сказаніемъ о знаменитомъ героѣ, какъ нитью, на которую нанизываетъ что ему нравится. То же и въ *Одиссеѣ*, и въ *Жиль-Блазѣ*.

— Вы вполне правы, сказалъ Гете;—въ такого рода произведеніяхъ требуется только, чтобъ отдѣльныя части были значительны и ясны, между тѣмъ какъ цѣлое остается всегда несоизмѣримымъ, а потому подобно тѣмъ неразрѣшимымъ задачамъ, къ повторительному разсмотрѣнію которыхъ такъ тянетъ людей.

Я затѣмъ разсказалъ ему о письмѣ молодого военнаго, которому я, вмѣстѣ съ другими друзьями, совѣтовалъ вступить въ иностранную службу; ему тамъ не понравилось, и теперь онъ бранитъ всѣхъ, кто ему совѣтовалъ.

— Давать совѣты — странное дѣло, отвѣчалъ Гете;—когда въ теченіи извѣстнаго времени видишь, какъ на свѣтѣ не удаются самыя умнѣйшія вещи, а глупѣйшія счастливо достигаютъ цѣли, то начинаешь уклоняться отъ даванія какихъ либо совѣтовъ. Въ сущности тотъ, кто требуетъ совѣта, обнаруживаетъ ограниченность, а тотъ, кто даетъ, — притязательность. Можно давать совѣтъ только относительно дѣла, въ которомъ самъ участвуешь. Когда у меня просятъ дать добрый совѣтъ, то я отвѣчаю, что готовъ, но подъ условіемъ, чтобъ мнѣ обѣщали, что ему не послѣдуютъ.

Разговоръ перешелъ къ Новому завѣту, при чемъ

я разсказаль, что прочель то мѣсто, гдѣ Христось идетъ по морю, а Петръ ему навстрѣчу.

— Когда давно не читаешь евангелистовъ, сказалъ я,—то снова дивишься нравственному величію лицъ. Въ высокихъ требованіяхъ отъ нашей нравственной силы воли находишь нѣкотораго рода категорическій императивъ.

— Особенно, сказалъ Гете,—вы найдете категорическій императивъ вѣры, который Магометъ простеръ еще дальше.

— Впрочемъ, замѣтилъ я,—евангелисты, когда къ нимъ ближе присмотришься, полны уклоненій и противорѣчій, и эти книги вѣроятно испытали удивительные превратности судебъ, пока были сведены въ томъ видѣ, въ какомъ теперь.

— Пускаться въ ихъ историческое и критическое изслѣдованіе значить выпить море, сказалъ Гете.—Гораздо лучше безъ дальнѣйшихъ разсужденій держаться того, что въ нихъ дѣйствительно есть, и усвоить изъ нихъ то, что пригодно для собственнаго нравственнаго просвѣщенія и укрѣпленія. Впрочемъ, хорошо уяснить себѣ мѣсто дѣйствія, и въ этомъ отношеніи я не могу рекомендовать вамъ ничего лучшаго, какъ великолѣпную книгу Рэра о Палестинѣ. Покойному великому герцогу такъ нравилась эта книга, что онъ дважды покупалъ ее; первый экземпляръ, прочтя, онъ подарилъ библіотекѣ, а второй оставилъ у себя, чтобъ онъ былъ всегда у него подъ рукою.

Я подивился, что великій герцогъ столь участливо относился къ подобнымъ вещамъ.

— Въ этомъ онъ былъ великъ, отвѣчалъ Гете.— Онъ интересовался всѣмъ, что было въ извѣстной мѣрѣ значительно, въ какомъ бы то ни было от-

ношеніи. Онъ всегда стремился впередъ, и всѣ вновь появлявшіяся хорошія изобрѣтенія и учрежденія желалъ пересадить къ себѣ. Если что нибудь не удавалось, то о томъ больше не было и рѣчи. Я часто думалъ, какъ оправдать передъ нимъ ту или иную неудачу, но онъ самымъ веселымъ образомъ будто и не замѣчалъ ихъ, и опять тотчасъ же бросался на что нибудь новое. Въ этомъ состояла особенность величія его натуры, и при томъ не пріобрѣтенная образованіемъ, а прирожденная.

Послѣ обѣда мы разсматривали гравюры на мѣди съ картинъ новѣйшихъ мастеровъ, преимущественно пейзажистовъ, причемъ съ удовольствіемъ было замѣчено, что въ нихъ не было ничего фальшиваго.

— Въ теченіе вѣковъ въ мірѣ накопилось такъ много хорошаго, сказалъ Гете,—что нечему удивляться, что оно оказываетъ вліяніе и вызываетъ хорошее же.

— Зло въ томъ, сказалъ я,—что появилось такъ много ложныхъ ученій, и что молодой талантъ не знаетъ, какому святому поклоняться.

— Мы видимъ тому примѣры, сказалъ Гете;—мы видимъ, что цѣлыя поколѣнія погибаютъ и страдаютъ отъ ложныхъ ученій, и мы сами страдали отъ нихъ. А въ наше время, какъ легко, при помощи печати, тотчасъ же распространить любое заблужденіе! Если иной критикъ черезъ нѣсколько лѣтъ и станетъ лучше думать, и будетъ въ состояніи распространять публично свои лучшія убѣжденія, то все же его ложное ученіе тѣмъ временемъ подействуетъ и будетъ дѣйствовать и впредь, и какъ выходящее растеніе обовѣетъ хорошее. Я утѣшаюсь только тѣмъ, что дѣйствительно великій талантъ не поддастся заблужденію и не дастъ себя испортить.

Мы продолжали смотрѣть гравюры.

— Это дѣйствительно хорошія вещи, сказалъ Гете;—вы видите прекрасные, прямые таланты, которые кое-чему учились и въ значительной степени усвоили и вкусъ, и искусство. Но всѣмъ этимъ картинамъ не достаетъ—*мужественности*. Замѣьте это слово, и подчеркните его. Картинамъ не достаетъ извѣстной проникающей силы, которая въ предыдущихъ вѣкахъ высказывалась всюду, но которой не достаетъ нынѣшнему вѣку, и притомъ не въ одной живописи, но и во всѣхъ остальныхъ искусствахъ. Живетъ слабосильное поколѣніе, о которомъ не знаешь что сказать: таково ли оно отъ воспитанія, или отъ болѣе слабого вскормленія и питанія.

— Притомъ, видно, сказалъ я,—какъ много значить въ искусствахъ великая личность, которая въ прошедшихъ вѣкахъ особенно чувствовала себя какъ дома. Когда стоишь въ Венеціи передъ произведеніями Тиціана и Поля Веронеза, то чувствуешь мощный духъ этихъ людей, какъ во взглядѣ на вещи, такъ и въ исполненіи послѣднихъ подробностей. Ихъ великое энергическое чувство проникаетъ всѣ части картины, и когда мы смотримъ на нихъ, то эта же высшая сила художественной личности расширяетъ наше собственное существо и возвышаетъ насъ надъ нами самими. Этотъ мужественный духъ, о которомъ вы говорите, особенно присутствуетъ также въ ландшафтахъ Рубенса. Конечно, изображены только деревья, земля, вода, скалы и облака, но его мощная мысль внѣдрилась въ формы, и, благодаря этому, мы видимъ, конечно, знакомую намъ природу, но видимъ ее проникну-

тою силой художника и сызнава изображенной согласно его мысли.

— Безъ сомнѣнiя, сказалъ Гете, — въ искусствѣ и поэзiи личность — все; но между новѣйшими критиками и цѣнителями искусства завелись слабыя личности, которыя этого не признаютъ, и великую личность въ художественныхъ и поэтическихъ созданiяхъ считаютъ только за ничтожный придатокъ. Конечно, чтобъ чувствовать и чтить великую личность надо и самому быть кой-чѣмъ. Всѣ, кто отвергалъ возвышенность у Еврипида, были люди слабодушные, не способные возвыситься до него; или же они были безстыдными шарлатанами, желавшими при помощи подобной чванливости показаться въ глазахъ слабаго свѣта чѣмъ-то больше того, чѣмъ были и дѣйствительно казались.

Понедѣльникъ, 14-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете. Онъ прочелъ *Мемуары* генерала Раппа, и разговоръ пошелъ о Наполеонѣ, и о томъ, что должна была чувствовать m-me Летиция, видя себя матерью столькихъ героев и такой могущественной семьи.

— Она родила Наполеона, второго своего сына, сказалъ онъ, — когда ей было восемнадцать лѣтъ, а ея мужу двадцать три, и такимъ образомъ свѣжая юношеская сила пригодилась его физической части. Послѣ него, она родила еще трехъ сыновей; всѣ они были замѣчательно даровиты, дѣловиты и энергичны въ житейскихъ дѣлахъ, у всѣхъ былъ нѣкоторый поэтический талантъ. Послѣ такихъ четырехъ сыновей родилось трое дочерей, и наконецъ Жеромъ, который, кажется, былъ одаренъ менѣе другихъ. Талантъ, конечно, не наслѣдственнъ, но

онъ требуетъ здоровой физической подкладки, а потому совѣтъ не все равно: родиться ли первенцемъ, или послѣдышемъ, отъ сильныхъ и молодыхъ родителей или отъ слабыхъ и старыхъ.

— Замѣчательно, сказалъ я,—что изъ всѣхъ талантовъ, музыкальный обнаруживается раньше другихъ. Моцартъ по пятому, Бетговенъ по восьмому и Гуммель по девятому году уже изумляли своихъ близкихъ игрой и сочиненіями.

— Музыкальный талантъ, сказалъ Гете,—можетъ обнаружиться раньше другихъ потому, что музыка есть нѣчто вполне прирожденное, внутреннее, не требующее извнѣ никакой пищи и никакого выведеннаго изъ жизни опыта. Но, конечно, появленіе Моцарта навсегда останется чудомъ, которое нельзя объяснить. Но какимъ образомъ божество находило бы случай всюду совершать чудеса, если бъ оно порой не дѣлало къ тому попытокъ на необыкновенныхъ личностяхъ, которымъ мы дивимся и не понимаемъ откуда они взялись.

Вторникъ, 15-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете. Я рассказывалъ ему о театрѣ; онъ хвалилъ вчерашнюю піесу, *Генрихъ Третій*, Дюма, какъ превосходную, но находилъ естественнымъ, что она оказалась не по вкусу публики. «Я не посмѣлъ бы ее поставить во время моего директорства», сказалъ онъ, «потому что хорошо помню, сколько мнѣ было хлопотъ, чтобъ контрабандой заставить публику смотрѣть *Постояннаго принца*¹⁾, а онъ гораздо человѣчнѣе и поэтичнѣе, и въ сущности ближе къ намъ, чѣмъ *Генрихъ Третій*».

¹⁾ Кальдерона.

Я заговорилъ о *Великомъ Кофти*, котораго перечелъ надняхъ. Я сдѣлалъ обзоръ отдѣльныхъ сценъ и заключилъ желаніемъ, видѣть пьесу на сценѣ.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ Гете, — что пьеса вамъ понравилась, и что вы увидѣли въ ней то, что я хотѣлъ сказать. Въ сущности, вовсе не малое дѣло было обработать вполнѣ реальный фактъ во первыхъ поэтически и затѣмъ сценически. А вы вѣдь согласны, что все задумано прямо для сцены. Шиллеръ также сильно стоялъ за пьесу, и мы ее дали разъ, и она имѣла блестящій успѣхъ передъ избранной публикой. Но она не для большой публики; изображеніе преступленій возбуждаетъ всегда боязнь, и людямъ становится не по себѣ. Она по своей смѣлости совсѣмъ во вкусѣ *Театра Клары Газуль*, и французскій поэтъ могъ бы позавидовать, что я предвосхитилъ у ней такой отличный сюжетъ. Я говорю отличный, потому что онъ имѣетъ не только нравственное, но и большое историческое значеніе; фактъ непосредственно предшествуетъ французской революціи и въ извѣстной мѣрѣ составляетъ ея основаніе. Королева столь близко была впутана въ роковую исторію ожерелья, что потеряла свое достоинство: она лишилась почтенія, и въ народномъ мнѣніи было поколеблено основаніе считать ее неприкосновенной. Ненависть никому не вредить; но презрѣніе губитъ людей. Котцебу давно ненавидѣли, но для того, чтобъ студентъ покусился на его жизнь съ кинжаломъ въ рукахъ, требовалось, чтобъ извѣстные журналы сдѣлали его имя презрѣннымъ.

Четвергъ, 17-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете. Я принесъ ему его *Пробываніе въ Карлсбадѣ*, 1807 года, редакцію котораго закончилъ сегодня утромъ. Мы говорили объ умныхъ вещахъ, которыя тамъ встрѣчаются въ видѣ бѣглыхъ поденныхъ замѣтокъ.

«Обыкновенно думаютъ», смѣясь сказалъ Гете, «что надо постарѣть, чтобъ поумнѣть; но въ сущности, съ годами надо стараться о томъ, чтобъ остаться такимъ же умнымъ, какимъ былъ. Человѣкъ на различныхъ ступеняхъ своей жизни становится другимъ, но онъ не можетъ сказать, что становится лучше; въ извѣстныхъ вещахъ онъ, можетъ быть, судить столь же справедливо въ двадцать, какъ и въ шестьдесятъ лѣтъ.

«Конечно, въ долинѣ видишь міръ инымъ, чѣмъ съ горы, и опять инымъ съ ледниковъ. Съ одного мѣста видишь большій клочекъ, чѣмъ съ другого; но тутъ и все, и нельзя сказать, что съ одного мѣста видишь лучше, чѣмъ съ другого. Когда писатель оставляетъ памятники различныхъ періодовъ своей жизни, то главное въ томъ, чтобъ онъ обладалъ прирожденной основательностью и доброй волей; чтобъ онъ въ каждый періодъ ясно видѣлъ и чувствовалъ, и чтобъ онъ безо всякихъ побочных цѣлей высказывалъ прямо и правдиво то, что думаетъ. И тогда все написанное имъ, если оно было правдиво въ ту пору, когда писалось, останется правдивымъ, какъ бы авторъ ни развился и ни измѣнился впослѣдствіи».

Я вполне согласился съ этимъ. «Надняхъ», продолжалъ Гете, «мнѣ попался макулатурный листокъ, и я прочелъ его. Гм., сказалъ я самому себѣ, то

что тутъ написано вовсе не несправедливо, и ты думаешь не иначе и не сказалъ бы иного. Всмотрѣвшись хорошенько въ листъ, я увидѣлъ однако, что это отрывокъ изъ моихъ собственныхъ сочиненій. Я всегда стремлюсь впередъ, а потому забываю, что писалъ раньше, а потому со мной можетъ вскорѣ случиться, что я на свою вещь взгляну, какъ на совсѣмъ чужую».

Я освѣдомился, какъ подвигается *Фаустъ*.

— Онъ теперь не отходитъ отъ меня, сказалъ Гете,—я ежедневно думаю и придумываю. Я нынче приказалъ сброшюровать всю рукопись второй части, чтобъ она была у меня вся передъ глазами. Мѣсто недостающаго четвертаго акта я заполнилъ чистыми листами; несомнѣнно, что готовое манитъ и побуждаетъ окончить то, что еще осталось. Въ подобныхъ, дѣйствующихъ на органы чувствъ, вещахъ заключается больше, чѣмъ думаютъ; надо всѣми средствами помогать нашимъ умственнымъ силамъ.

Гете приказалъ принести сброшюрованнаго *Фауста*, и я увидѣлъ рукопись съ добрый томъ in-folio и подивился, какъ много написано.

— Все это написано въ шесть лѣтъ, какъ я здѣсь, сказалъ я;—а вы, при всемъ, что было и произошло въ этотъ срокъ, могли посвящать работѣ только небольшую часть времени. Но изъ этого видно, какъ растетъ дѣло, даже когда работаешь только урывками.

— Въ этомъ убѣждаешься особенно, когда старѣешь, сказалъ Гете;—въ юности думаешь, что все должно произойти въ одинъ день. Но, если счастье мнѣ будетъ благопріятствовать, и я буду здоровъ, то будущей весной я надѣюсь далеко подвинуть четвертый актъ. Какъ вы знаете, и этотъ актъ былъ

придуманъ давно; но остальное, при исполненіи, такъ выросло, что теперь изъ прежняго замысла я могу взять только самое общее, и притомъ и этотъ промежуточный актъ, при помощи новаго обдумыванья, долженъ возвыситься до того, чтобъ онъ сравнялся съ другими.

— Во второй части, замѣтилъ я,—выступить на сцену болѣе богатый міръ, чѣмъ въ первой.

— Да, кажется, сказалъ Гете. — Первая часть вполне субъективна; въ ней все исходитъ отъ заблуждающейся, обуреваемой страстями личности; этотъ полумракъ можетъ нравиться людямъ. Во второй же нѣтъ почти ничего субъективнаго; въ ней является высшій, болѣе широкій и свѣтлый, безстрастный міръ, и тотъ, кто ни къ чему не стремился и не пережилъ ничего подобнаго, не будетъ знать, какъ за нее приняться.

— Въ ней есть надъ чѣмъ подумать, сказалъ я,—а порой требуется и нѣкоторая ученость. Я очень радъ, что прочелъ книжку Шеллинга о Кабирахъ¹⁾, и теперь знаю, на что вы намекаете въ извѣстномъ мѣстѣ *Классической Вальпуріевой ночи*.

— Я всегда думалъ, что знать что нибудь дѣло хорошее, смѣясь сказалъ Гете.

Пятница, 18-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете. Мы говорили о различныхъ формахъ правленія, и разсуждали о томъ, какія затрудненія представляетъ черезчуръ большой либерализмъ, возбуждая требованія отдѣльныхъ лицъ до того, что наконецъ становится неизвѣстно: кото-

¹⁾ «Ueber die Gottheiten von Samothrake». Она издана въ 1816 г. Ср. *Фауста*, II, 3556—3604.

рое же изъ громкихъ желаній слѣдуетъ удовлетворить. Убѣдятся, что сверху внизъ нельзя долго дѣйствовать съ большою добротой, снисходительностью и нравственной деликатностью, когда приходится имѣть дѣло со смѣшанной и порой беззаконной толпою и держать ее въ почтеніи. Было замѣчено притомъ, что дѣло правленія — великое дѣло, требующее всего человѣка, и что, стало быть, не хорошо, когда государь обладаетъ посторонними стремленіями, на примѣръ, преобладающимъ влеченіемъ къ искусствамъ; этимъ не только вниманіе государя, но и силы государства отвлекаются въ сторону отъ нѣкоторыхъ нетерпящихъ отлагательства вещей. Преобладающее влеченіе къ искусствамъ скорѣе дѣло богатыхъ частныхъ лицъ.

Затѣмъ, Гете сказалъ мнѣ, что его совмѣстный съ Сорэ переводъ *Метаморфозъ растений* хорошо подвигается впередъ, и что, при теперешней добавочной обработкѣ, ему оказываютъ неожиданную помощь чужія работы, особенно относительно спирали. «Мы трудимся надъ переводомъ», сказалъ онъ, «какъ вы знаете, уже болѣе года, но намъ мѣшали тысячи препятствій; работа нѣсколько разъ прерывалась, и я про себя часто проклиналъ ее. Но теперь мнѣ приходится благословлять всѣ эти препятствія, потому что за время этого замедленія подоспѣли работы превосходныхъ ученыхъ; онѣ оказались какъ-разъ водою для моей мельницы; онѣ подвигаютъ меня дальше, чѣмъ можно было ожидать, и даютъ мнѣ возможность такъ закончить работу, какъ годъ назадъ нельзя было и думать. Подобное нерѣдко случалось въ моей жизни, и приходишь къ тому, что въ подобныхъ случаяхъ вѣришь въ нѣкоторое высшее воздѣйствіе, въ нѣчто демоническое; предъ

нимъ благоговѣешь, но не осмѣливаешься объяснить его.

Суббота, 19-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете съ придворнымъ совѣтникомъ Фогелемъ. Гете получилъ брошюру объ островѣ Гельголандѣ, которую онъ прочелъ съ интересомъ и сообщилъ намъ изъ нея самое существенное.

Послѣ разговора объ этомъ своеобразномъ краѣ, очередь дошла до медицинскихъ вопросовъ, и Фогель сообщилъ, какъ новость, о томъ, что въ Эйзенахѣ, не смотря на прививку, появилась натуральная оспа и въ короткое время похитила много жертвъ.

— Природа, сказалъ Фогель, — всегда готова выкинуть штуку, и когда составляешь противъ нея теорію, надо быть весьма осмотрительнымъ. Предохранительную оспу считали такимъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ, что законъ повелѣлъ прививать ее. Теперь же, этотъ случай въ Эйзенахѣ, гдѣ заразились оспой и тѣ, у кого она была привита, заставляетъ усомниться въ непогрѣшимости прививки и ослабляетъ мотивы важности закона.

— А все-таки, сказалъ Гете, — я за то, чтобъ не отмѣняли строгой обязательности прививки; такія ничтожныя исключенія нельзя принимать во вниманіе, въ виду неописуемыхъ благодѣяній закона.

— И я того же мнѣнія, подтвердилъ Фогель, — и даже готовъ утверждать, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ прививка не охраняетъ отъ натуральной оспы, она была сдѣлана дурно. Чтобъ прививка предохраняла, ее надо дѣлать сильно, такъ, чтобъ проявлялась лихорадка; простое раздраженіе кожи безъ лихорадки не предохраняетъ. Поэтому сегодня въ засѣданіи я сдѣлалъ предложеніе, чтобъ вмѣнено

было въ обязанность всѣмъ, кому это поручено, дѣлать усиленную прививку.

— Надѣюсь, что ваше предложеніе прошло, сказалъ Гете; — я всегда за то, чтобъ законъ строго исполнялся, особенно въ такое время, какъ нынче, когда изъ слабости или либерализма отъ него отступаютъ болѣе, чѣмъ надо.

Затѣмъ стали говорить, что нынче начинаютъ слабо и мягко относиться къ вмѣняемости преступленія, и что свидѣтельства и мнѣнія врачей часто приводятъ къ избавленію преступника отъ заслуженнаго наказанія. При этомъ Фогель похвалилъ одного молодого врача, который въ подобныхъ случаяхъ обнаруживаетъ характеръ, и еще недавно, когда судъ сомнѣвался, должно ли считаться вмѣняемымъ извѣстное дѣтубійство, подалъ мнѣніе, что должно.

Воскресенье, 20-го февраля 1831.

Обѣдалъ у Гете. Онъ сказалъ мнѣ, что провѣрилъ и призналъ справедливымъ мое наблюденіе относительно синихъ тѣней на снѣгу, именно что онѣ происходятъ отъ отраженія голубого неба.

— Впрочемъ, обѣ причины могутъ дѣйствовать совмѣстно, сказалъ онъ, — и возбуждаемый желтымъ свѣтомъ голубой цвѣтъ можетъ усиливать явленіе.

Я уступилъ ему въ этомъ, и порадовался, что Гете наконецъ согласился со мною.

— Мнѣ досадно только, сказалъ я, — что я не записалъ подробно на мѣстѣ моихъ наблюденій надъ Монрозомъ и Монбланомъ. Существенный результатъ, однако, состоялъ въ томъ, что на разстояніи отъ восемнадцати до двадцати часовъ, въ полдень, при ясномъ солнцѣ, снѣгъ казался желтымъ, даже

розоватожелтымъ, между тѣмъ, какъ свободныя отъ снѣга темныя части горы были рѣшительно окрашены въ голубой цвѣтъ. Явленіе меня не поразило, потому что я могъ заранѣе сказать, что масса междулежащихъ облаковъ придаетъ темножелтый тонъ бѣлому, отражающему полуденное солнце снѣгу; но это явленіе порадовало меня особенно потому, что оно рѣшительно опровергаетъ ошибочное воззрѣніе нѣкоторыхъ натуралистовъ, будто воздухъ обладаетъ свойствомъ окрашивать въ голубой цвѣтъ. Ибо, еслибъ воздухъ самъ по себѣ былъ голубоватъ, то отъ него, на разстояніи двадцати часовъ, междумною и Монбланомъ, снѣгъ казался бы свѣтлоголубымъ, или бѣловато голубоватымъ, а не желтымъ и желто-розовымъ.

— Наблюденіе весьма значительное, сказалъ Гете, — и вполнѣ опровергаетъ сказанное заблужденіе.

— Въ сущности, сказалъ я, — ученіе о затемнѣніяхъ весьма просто, и какъ скоро убѣдишься въ немъ, то его не трудно передать другому въ нѣсколько дней. Но самое трудное въ приложеніи закона и въ распознаваніи первоявленія между тысячеобразными условными и затемненными явленіями.

— Это можно сравнить съ вистомъ, замѣтилъ Гете; — законы и правила игры точно также легко передать, но нужно очень долго играть, чтобъ стать мастеромъ въ дѣлѣ. Вообще, ничему нельзя научиться, выслушавъ въ чемъ дѣло, и тотъ, кто въ извѣстныхъ вещахъ не потрудится самъ, знаетъ ихъ только на половину и поверхностно.

Гете затѣмъ заговорилъ о книгѣ молодого врача, которому онъ охотно прощаетъ его телеологическое

направленіе, и отозвался съ похвалою объ ясности, съ которой она написана.

«Человѣку естественно», сказалъ Гете, «разсматривать себя, какъ цѣль созданія, а другія вещи только по отношенію къ себѣ, насколько онѣ ему нужны и полезны. Онѣ покоряетъ себѣ растительный и животный міръ, и, поглощая другія созданія, какъ подходящую пищу, признаетъ Бога и прославляетъ его благость за то, что онѣ такъ отечески позаботился о немъ. У коровы онѣ беретъ молоко, у пчелы медъ, у овцы шерсть, и, придавая этимъ вещамъ полезное для себя назначеніе, убѣждается, будто они для этого и сотворены. Онѣ себѣ и представить не можетъ, что и малѣйшая травка сотворена не ради *его*, и, не зная доселѣ ея пользы, увѣренъ, что въ будущемъ навѣрно откроетъ ее.

«И какъ люди думаютъ вообще, такъ думаетъ и всякій въ отдѣльности, и свой привычный взглядъ переноситъ изъ жизни въ науку, и даже относительно отдѣльныхъ частей органическаго существа задается вопросами объ ихъ цѣли и пользѣ.

«До поры это и держится, до поры этимъ можно пробиваться даже и въ наукѣ; но вскорѣ наталкиваешься на явленія, гдѣ такой низменный взглядъ становится недостаточнымъ, и гдѣ безъ высшей точки зрѣнія запутываешься въ явномъ противорѣчіи.

«Подобные изслѣдователи полезности говорятъ: у быка рога существуютъ для защиты. Но я спрашиваю: зачѣмъ ихъ нѣтъ у барана? а если и есть, то зачѣмъ они закручены у него около уха, такъ что ни на что ему не пригодны?

«Совсѣмъ другое будетъ, если я скажу: быкъ защищается рогами, потому что они у него есть.

«Вопросъ о цѣли, вопросъ *зачѣмъ?* совершенно не

наученъ. Съ вопросомъ *какъ?* (какимъ образомъ) уйдешь дальше. Ибо, когда я спрашиваю: какъ растутъ у быка рога? то это ведетъ меня къ разсмотрѣнью его организаціи и въ то же время научаетъ меня, почему у льва нѣтъ роговъ да и быть ихъ не можетъ.

«Въ черепѣ челѣвѣка есть два полныя мѣста. Съ вопросомъ *зачѣмъ*, тутъ далеко не уйдешь; но вопросъ *какъ* научаетъ меня, что эти полости суть остатки животнаго черепа, которые встрѣчаются у низшихъ организацій въ большемъ количествѣ, и не исчезли совсѣмъ и у челѣвѣка, не взирая на его высокое развитіе.

«Исслѣдователи полезности боятся, что лишатся Бога, если не станутъ почитать *Тою*, кто далъ быку рога для защиты. Но да будетъ мнѣ позволено почитать *Тою*, кто былъ столь великъ въ изобиліи своего творчества, что послѣ тысячеобразныхъ растений, создалъ еще одно, въ которомъ заключены всѣ остальные, и послѣ тысячеобразныхъ животныхъ—еще одно, въ которомъ они всѣ совмѣщены—челѣвѣка.

«Далѣе, почитаютъ *Тою*, кто даетъ кормъ скоту, и до сытости пищу и питье челѣвѣку; я же обожаю *Тою*, кто вложилъ въ міръ такую силу производительности, что, если только миллионная часть тварей вступить въ жизнь, то и тогда міръ до того кишить ими, что противъ нихъ не могутъ ничего подѣлать ни война, ни чума, ни вода, ни огонь. Вотъ мой Богъ!

Понедѣльникъ, 21-го февраля 1831,

Гете очень хвалилъ послѣднюю рѣчь Шеллинга, которою онъ усмирилъ мюнхенскихъ студентовъ¹⁾.

— Эта рѣчь прекрасна съ начала до конца, и нельзя не порадоваться новому проявленію таланта, который мы давно знаемъ и уважаемъ. Въ этомъ случаѣ и сюжетъ былъ превосходный, и цѣль справедливая, и ему удалось все главнѣйшее. И если то же можно сказать о предметѣ и цѣли его сочиненія о Кабирахъ, то мы и за него должны его прославить, потому что и въ немъ онъ высказалъ свой риторическій талантъ и искусство.

Отъ Шеллинговыхъ Кабировъ, рѣчь перешла на *Классическую Вальпургіеву ночь*, и на то, чѣмъ она отличается отъ сцены на Брокенѣ въ первой части.

— Старая Вальпургіева ночь — монархическая, сказала Гете; — тамъ всюду чертъ почитается, какъ главенственное лицо; классическая же — вполнѣ республиканская: тутъ все стоитъ во всю ширь другъ подлѣ друга, и одинъ стоитъ другого, никто не подчиняется и не обращаетъ вниманія на другихъ.

— Въ классической ночи, замѣтилъ я, — все обособляется въ рѣзко очерченныя личности, на нѣмецкомъ же Блоксбергѣ отдѣльныя лица разрѣшаются въ общей вѣдьмовской толпѣ.

— Поэтому, сказалъ Гете, — и Мефистофель знаетъ, что оно значитъ, когда гоммункулъ говорить ему о ессалійскихъ вѣдмахъ. Хорошій зна-

¹⁾ «Rede an die Studirinden der Ludwig-Maximilians-Universität in der *Aula academica* am Abend des 30 Decembers 1830». Этой сердечной рѣчью были прекращены длившіеся нѣсколько дней студенческіе беспорядки, доходившіе до схватокъ съ войсками.

токъ древности можетъ себѣ также составить нѣ-
которое представленіе при словѣ «ѳессалійская вѣдь-
ма», а для неученаго оно останется пустымъ словомъ.

— Древность, сказалъ я, — должно быть, пред-
ставляется вамъ очень живо; иначе вы не могли бы
съ такой свѣжестью оживотворить всѣ эти лично-
сти, и съ такою свободой обращаться съ ними и
пользоваться ими.

— Для меня это было бы не возможно, отвѣчалъ
Гете, — если бъ я всю жизнь не занимался пласти-
ческими искусствами. Самое трудное было въ томъ,
чтобъ, при такомъ изобиліи, остаться умѣреннымъ
и устранить всѣ тѣ образы, которые не вполне
отвѣчали моимъ намѣреніямъ. Такъ, напримѣръ, я
вовсе не воспользовался ни минотавромъ, ни гар-
піями, ни нѣкоторыми другими чудищами.

— Но все, что вы заставляете появляться въ эту
ночь, сказалъ я, — такъ согласовано и такъ сгруппи-
ровано, что его легко возстановить вновь въ вообра-
женіи и оно безъ труда складывается въ картину.
Живописцы, конечно, не упустятъ такихъ отлич-
ныхъ сюжетовъ; особенно мнѣ нравится, когда Ме-
фистофель у Форкіадъ, гдѣ онъ въ профиль ста-
новится похожъ на нихъ.

— Тамъ есть нѣсколько славныхъ штукъ, кото-
рыми рано или поздно воспользуются на разные
лады, сказалъ Гете. — Какъ только французы позна-
комятся съ *Еленой*, они увидятъ, что можно изъ
нея сдѣлать для театра! Они, конечно, испортятъ
піесу, но умно воспользуются ею для своихъ цѣлей,
а это все, чего можно ждать и желать. Они окру-
жатъ навѣрно Форкіаду хоромъ чудищъ, какъ оно
и указано въ одномъ мѣстѣ.

— Для того, чтобы *Елена* произвела впечатлѣніе,

сказалъ я, — надо, чтобъ какой нибудь дѣльный поэтъ романтической школы передѣлалъ ее въ оперу, а Россини собралъ всѣ силы своего замѣчательнаго таланта и написалъ музыку. Тутъ есть-таки поводъ къ великолѣпнымъ декораціямъ, къ удивительнымъ перемѣнамъ, блестящимъ костюмамъ и восхитительнымъ танцамъ и его не легко найти въ другой піесѣ; я не говорю уже о томъ, что такая богатая пища для чувствъ покоится на основѣ богатой умомъ фабулы, лучше которой трудно что-нибудь и придумать.

— Подождемъ, отвѣчалъ Гете, — что намъ еще даруютъ боги. Въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ спѣшить. Требуется, чтобъ съ піесой ознакомились и театральные директора, и поэты и композиторы увидѣли въ ней свою пользу.

Вторникъ, 21-го февраля 1831.

Старшій консисторіальный совѣтникъ Швабе ¹⁾ встрѣтилъ меня на улицѣ; я проводилъ его немного, и онъ разсказалъ мнѣ о своихъ многообразныхъ занятіяхъ, и такимъ образомъ я познакомился съ значительнымъ кругомъ дѣйствій этого превосходнаго человѣка. Онъ мнѣ сообщилъ, что въ свободное время онъ занимается приготовленіемъ къ изданію томика новыхъ проповѣдей; что одинъ изъ его учебниковъ недавно переведенъ на датскій языкъ; что его продано сорокъ тысячъ экземпляровъ и что онъ принятъ въ Пруссіи въ лучшихъ училищахъ. Онъ просилъ меня зайти къ нему, что я и обѣщалъ съ удовольствіемъ.

¹⁾ Dr. Иоганнъ Фридрихъ Швабе, р. въ 1779 г. въ Эйхельборнѣ, былъ въ 1827 г. приглашенъ въ Веймаръ въ качествѣ придворнаго проповѣдника.

Затѣмъ, за обѣдомъ, я заговорилъ съ Гете о Швабе, и Гете отозвался о немъ также съ похвалою. «Великая герцогиня», сказалъ онъ, «цѣнитъ его также очень высоко, а она вообще хорошо знаетъ своихъ приближенныхъ. Я закажу его портретъ для моего собранія, и вы хорошо сдѣлаете, если навѣстите его, предварительно попросивъ у него на то позволенія. Да, сходите къ нему, покажите участіе къ тому, что онъ дѣлаетъ и предпринимаетъ. Для васъ будетъ любопытно заглянуть въ особый кругъ дѣятельности, о которой нельзя имѣть понятія безъ близкаго знакомства съ однимъ изъ подобныхъ людей».

Я общалъ такъ и сдѣлать, потому что имѣю влеченіе къ знакомству съ практически-дѣтельными, пекущимися о пользѣ людьми.

Среда, 23-го февраля 1831.

Передъ обѣдомъ, во время прогулки по Эрфуртской дорогѣ, я встрѣтилъ Гете; онъ остановился и пригласилъ меня въ свою карету. Мы проѣхались довольно далеко, до сосноваго лѣска, и говорили о естественно-историческихъ предметахъ.

Холмы и горы были покрыты снѣгомъ, и я замѣтилъ большую нѣжность желтаго цвѣта, и то, что въ разстояніи нѣсколькихъ миль, при посредствѣ промежуточной туманной среды, темное скорѣе является голубымъ, чѣмъ бѣлое желтымъ. Гете согласился со мною, и мы затѣмъ говорили о высокомъ значеніи первоявленія, за которымъ, кажется, непосредственно видишь божество.

— Я не спрашиваю, сказалъ Гете, —обладаетъ ли это высшее существо пониманіемъ и разумомъ, но я чувствую, что оно само пониманіе, самъ разумъ.

Всѣ творенія проникнуты имъ, и человѣкъ настолько имъ одаренъ, что можетъ отчасти понимать Высочайшаго.

За обѣдомъ разсуждали о стремленіи нѣкоторыхъ естествоиспытателей, при обзорѣни органическаго міра, исходить отъ минералогіи. «Это большая ошибка», сказалъ Гете. «Въ минералогическомъ мірѣ самое простое есть самое великолѣпное, а въ органическомъ — самое сложное. Отсюда видно, что у обоихъ міровъ различныя стремленія, и что отъ одного къ другому вовсе нѣтъ постепеннаго перехода».

Четвергъ, 24-го февраля 1831.

За обѣдомъ Гете разсказывалъ мнѣ, что у него былъ Сорэ, и что переводъ *Метаморфозъ* сильно подвигается.

«Самое трудное въ природѣ: видѣть законъ и тамъ, гдѣ онъ отъ насъ скрывается», сказалъ Гете, «а также не дозволить явленіямъ, противурѣчащимъ нашимъ чувствамъ, ввести себя въ заблужденіе. Потому что въ природѣ многое противурѣчитъ чувствамъ, и однако справедливо. Что солнце стоитъ, что оно не всходитъ и не заходитъ, но что земля ежедневно вертится вокругъ своей оси съ быстротой, какую трудно представить, — все это вполне противурѣчитъ нашимъ чувствамъ, но ни одинъ образованный человѣкъ не сомнѣвается, что такъ оно и есть. Такія противурѣчащія явленія существуютъ и въ растительномъ царствѣ, и надо быть на сторожѣ, чтобъ не дозволить имъ увлечь себя на ложный путь».

Понедѣльникъ, 28-го февраля 1831.

Я цѣлый день занимался рукописью четвертой части автобіографіи Гете, которую онъ мнѣ прислалъ вчера, чтобъ посмотрѣть, не остается ли еще чего сдѣлать. Меня радуетъ это сочиненіе, когда я соображаю, что оно теперь и чѣмъ еще можетъ стать. Нѣкоторыя книги вполне закончены, и ничего болѣе не оставляютъ желать. Другія страдают неравенствомъ частей, которое, можетъ быть, зависить отъ того, что въ нихъ описаны весьма различныя эпохи.

Этотъ четвертый томъ весьма отличается отъ трехъ предыдущихъ. Въ первыхъ, цѣлые годы проходятъ въ извѣстномъ данномъ направленіи; въ этомъ же, время какъ будто почти не двигается, равно не видно опредѣленнаго стремленія главнаго дѣйствующаго лица. Многое предпринимается, но не исполняется; многое желается, но исполняется другое; такимъ образомъ, всюду чувствуется тайно дѣйствующая сила, родъ судьбы, приготавливающей многообразныя нити для тканья, которое будетъ выполнено только въ послѣдующіе годы.

Оттого въ этомъ томѣ уместно вести рѣчь о той тайной загадочной силѣ, которую всѣ чувствуютъ и которой не объясняетъ ни одинъ философъ; человѣкъ религіозный спасается отъ нея словомъ утѣшенія.

Гете эту неизъяснимую мировую и жизненную загадку обозначаетъ словомъ *демоническое*; когда онъ описываетъ ея сущность, то мы чувствуемъ, что такъ оно и есть, и кажется, будто передъ нѣкоторыми глубинами нашей жизни подымается занавѣсъ. Намъ думается, будто мы видимъ дальше и

яснѣе, но вскорѣ мы усматриваемъ, что предметъ слишкомъ великъ и многообразенъ, и что наши глаза достигають только до извѣстной границы.

Человѣкъ вообще рожденъ только для малаго, и онъ только то и понимаетъ и тѣмъ только наслаждается, что ему извѣстно. Большой знатокъ понимаетъ картину; онъ умѣетъ соединить различныя частности въ извѣстное ему цѣлое: для него живы, какъ цѣлое, такъ и части. У него нѣтъ также пристрастія къ извѣстнымъ отдѣльнымъ частямъ; онъ не задается вопросомъ, красиво иль уродливо лицо, темно или свѣтло извѣстное мѣсто, но онъ спрашиваетъ: все ли на своемъ мѣстѣ, все ли закономерно и правильно. Но, если поставить человѣка незнающаго передъ картиной извѣстнаго размѣра, то окажется что цѣлое его не трогаетъ, или спутываетъ его мысли; что его влекутъ къ себѣ отдѣльныя части, другія же отталкивають, и что въ концѣ онъ останавливается передъ совершенно незначительными, ему извѣстными вещами, и если что хвалить, то—какъ хорошо нарисованъ этотъ шлемъ, или это перо.

Въ сущности передъ великой картиной судьбы всѣ мы, люди, болѣе или менѣе разыгрываемъ роль этого несвѣдующаго человѣка. Нарисованное въ свѣту, пріятное—насъ притягиваетъ; мѣста въ тѣни и непріятныя—насъ отталкивають; цѣлое спутываетъ наши мысли, и мы тщетно стараемся составить понятіе о единомъ существѣ, которому приписываемъ все, столь противорѣчивое.

Можно, конечно, стать большимъ знатокомъ въ человѣческихъ дѣлахъ, ибо вполне мыслимо усвоить себѣ искусство и знаніе даннаго мастера; но въ дѣлахъ божественныхъ этого могло бы дости-

гнуть только существо, равное Высочайшему. И даже, еслибъ оно и захотѣло передать и открыть намъ тайны, то мы не сѣумѣли бы ихъ обнять и не знали бы, что съ ними дѣлать, и снова стали бы похожи на несвѣдущаго человѣка передъ картиной, которому знатокъ не въ силахъ втолковать тѣхъ началъ, на основаніи коихъ онъ судить.

Съ этой точки зрѣнія, является справедливымъ, что ни одна религія не была дана непосредственно самимъ Богомъ, но что всѣ онѣ, какъ дѣла выдающихся людей, разсчитаны на потребности и пониманіе огромнаго множества равныхъ ихъ существъ.

Будь онѣ дѣломъ Божиимъ, никто бы ихъ не понималъ; но, будучи дѣломъ человѣческимъ, онѣ не изъясняютъ нецостижимаго.

Религія высокообразованныхъ древнихъ грековъ не пошла дальше олицетворенія отдѣльныхъ проявленій непостижимаго въ видѣ отдѣльныхъ божествъ. Но такія отдѣльныя божества являлись существами ограниченными, и въ связи цѣлаго оставался пробѣлъ, а потому греки изобрѣли идею фатума, который поставили выше всѣхъ; но фатумъ остался тѣмъ же многостороннимъ непостижимымъ, и такимъ образомъ затрудненіе было скорѣе устранено, чѣмъ разрѣшено.

Но это великое существо, именуемое нами Божествомъ, обнаруживается не только въ человѣкѣ, но также въ богатой и сильной природѣ, и въ громадныхъ міровыхъ событіяхъ; естественно, что представленіе о немъ, составленное на основаніи человѣческихъ свойствъ, оказывается недостаточнымъ, и человѣкъ внимательный скоро наткнется на пробѣлы и противорѣчія, которые приведутъ его къ сомнѣнію, даже къ отчаянію, если онъ не настолько

малъ, чтобъ успокоить себя искусственными увертками, или не настолькоъ великъ, чтобъ подняться на высшую точку зрѣнія.

Такую точку зрѣнія, еще въ юности, Гете нашель у Спинозы, и съ удовольствіемъ сознается, какъ воззрѣнія этого великаго мыслителя отвѣчали потребностямъ его юности. Онъ нашель въ немъ самого себя, и увидѣлъ въ немъ лучшее подтвержденіе самого себя.

Эти воззрѣнія не были субъективны; основой имъ послужили творенія и проявленія Бога во вселенной, а потому они оказались не шелухой, которую онъ могъ бы сбросить при своихъ дальнѣйшихъ глубокихъ изслѣдованіяхъ людей и природы, но первичными зародышами и корнями растенія, которое въ теченіе многихъ лѣтъ возростало въ томъ же здоровомъ направленіи и наконецъ распустилось цвѣткомъ богатаго знанія.

Противники часто упрекали его въ томъ, будто у него нѣтъ никакой вѣры. Но онъ просто не раздѣлялъ ихъ вѣры, потому что она для него была недостаточна. Еслибъ онъ изъяснилъ свою, то они изумились бы, но не были бы способны понять ее.

Самъ Гете, впрочемъ, далекъ отъ мысли, что онъ знаетъ каково Высочайшее существо. Всѣ его письменные и умственные отзывы утверждаютъ только, что оно непостижимо, и человѣкъ имѣетъ о немъ только приблизительныя догадки и предчувствія.

Впрочемъ, и природа, и мы всѣ, люди, до того проникнуты божественнымъ, что оно насъ охраняетъ, мы о немъ живемъ, движемся и существуемъ; мы радуемся и страдаемъ по вѣчнымъ законамъ, и все равно, признаемъ ли мы ихъ или нѣтъ, мы приво-

димъ ихъ въ дѣйствіе, и они оказываютъ свое дѣйствіе на насъ.

Ребенку по вкусу пирожокъ, хотя онъ и не знаетъ о булочникѣ, и воробью нравятся вишни, хотя онъ и не думаетъ, какъ онъ выросли.

Среда, 2-го марта 1831.

Сегодня за обѣдомъ у Гете снова зашелъ разговоръ о демоническомъ, и, въ разъясненіе этого понятія, онъ добавилъ слѣдующее:

— Демоническое, сказалъ онъ, — есть то, что не рѣшается при помощи разума и разсудка. Въ моей натурѣ его нѣтъ, но я ему подчиненъ.

— Наполеонъ, сказалъ я, — кажется былъ демоническое существо?

— Вполнѣ, отвѣчалъ Гете, — въ такой высокой степени, что съ нимъ нельзя сравнить никого другого. Также и покойный великій герцогъ былъ демонической натурой, полной безграничной энергіи, не знающей покоя; ему было мало его государство, да и самое большое оказалось бы мало. Демоническія существа такого рода греки причисляли къ полубогамъ.

— Проявляется ли, спросилъ я, — демоническое также въ событіяхъ?

— Въ особенности, отвѣчалъ Гете, — и притомъ во всѣхъ тѣхъ, которыхъ нельзя объяснить разсудкомъ и разумомъ. Вообще оно проявляется самымъ различнымъ образомъ въ природѣ, какъ видимой, такъ и невидимой. Нѣкоторыя созданія вполнѣ демоничны, въ другихъ оно проявляется отчасти.

— Нѣтъ-ли въ Мефистофелѣ демоническихъ чертъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гете;— Мефистофель черезъ чуръ отрицательное существо; демоническое проявляется только въ совершенно положительной энергiи. Между художниками его больше въ музыкантахъ, чѣмъ въ живописцахъ. Въ Паганини оно проявляется въ высокой степени, отчего онъ и производитъ такое большое впечатлѣніе.

Я былъ очень доволенъ всѣми этими разъясненіями; благодаря имъ, для меня уяснилось, что разумѣлъ Гете подъ понятіемъ «демоническое». Мы говорили затѣмъ о четвертомъ томѣ, и Гете просилъ меня отмѣтить, что въ немъ еще остается сдѣлать.

Четвергъ, 3-го мая 1831.

Въ полдень у Гете. Онъ разсматривалъ архитектурные рисунки, и высказалъ, что въ постройкѣ дворцовъ выражается нѣкоторая надменность: вѣдь никогда нельзя быть увѣреннымъ, долго ли камень пролежитъ на камнѣ. «Кто можетъ жить въ палаткѣ», сказалъ онъ, «тотъ устроился лучше всѣхъ. Или же, какъ дѣлаютъ нѣкоторые англичане, которые переѣзжаютъ изъ города въ городъ, изъ гостиницы въ гостиницу, и всюду находятъ хорошо сервированный столъ».

Воскресенье, 6-го марта 1831.

Обѣдалъ у Гете; разговоръ былъ разнообразный. Мы говорили о дѣтяхъ и ихъ недостаткахъ, и онъ сравнилъ ихъ со стеблевыми листьями растений, которые сами собою постепенно опадаютъ, и что не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ слишкомъ внимательно и строго.

«Человѣкъ проходить нѣсколько ступеней», сказалъ онъ, «и каждая ступень приноситъ съ собою особые добродѣтели и пороки, на которые въ тѣ эпохи, когда они проявляются, слѣдуетъ смотрѣть какъ на естественные и въ извѣстной мѣрѣ необходимые. На слѣдующей ступени появляются другіе; прежнихъ добродѣтелей и пороковъ нѣтъ и слѣда, и на ихъ мѣстѣ возникаютъ новые достоинства и недостатки. И такъ оно продолжается до послѣдняго превращенія, а чѣмъ мы станемъ послѣ него, мы не знаемъ».

За десертомъ Гете прочелъ мнѣ сохранившіеся съ 1775 г. отрывки *Свадьбы Гансвурста*. Піеса начинается монологомъ Киліана Брустфлека; онъ въ немъ жалуется, что, не смотря на всѣ старанія, воспитаніе Гансвурста ему удалось плохо. Эта сцена и все остальное были написаны совершенно въ тонѣ *Фауста*. Въ каждой строчкѣ обнаруживалась могущественная до дерзости продуктивная сила, и я пожалѣлъ только, что она до того переступала всѣ границы, что нельзя напечатать и отрывка. Затѣмъ мнѣ Гете прочелъ списокъ дѣйствующихъ лицъ; они наполняли почти три страницы, и число ихъ восходило до ста. То было все придуманныя прозвища, порой до того крутыя и потѣшныя, что нельзя было не хохотать. Нѣкоторыя были произведены отъ тѣлесныхъ недостатковъ и такъ мѣтко характеризовали лицо, что оно, какъ живое, вставало передъ глазами; другія указывали на недостатки и пороки, и глубоко проникали всю ширь безнравственности. Будь піеса окончена, нельзя было бы не подивиться изобрѣтательности, сумѣвшей соединить въ живомъ дѣйствіи столь разнообразныя символическіе образы.

«Нечего было и думать, чтобъ я могъ окончить

песю», сказалъ Гете; «въ ней шутовство доходить до своей вершины, и хотя оно во мнѣ и проявлялось проблесками, но въ сущности въ моей натурѣ его не было, а потому я и не могъ бы выдержать его до конца. Притомъ, въ Германіи наши кружки слишкомъ ограничены, и нельзя было и думать выступить съ чѣмъ-нибудь подобнымъ. На широкой сценѣ, какъ Парижъ, нѣчто подобное могло бы и покуралесить, какъ тамъ можетъ существовать и Беранже, точно также немыслимый въ Веймарѣ или Франкфуртѣ».

Четвергъ, 8-го марта 1831.

Сегодня Гете за обѣдомъ говорилъ объ *Айвено*, котораго онъ читаетъ теперь. «Вальтеръ Скоттъ большой талантъ», сказалъ онъ, «не имѣющій себѣ равнаго, и нечего удивляться, что онъ производитъ такое необыкновенное впечатлѣніе на весь читающій міръ. Онъ заставляетъ меня много думать, и я вижу въ немъ совсѣмъ новое искусство, имѣющее свои собственные законы».

Затѣмъ мы говорили о четвертомъ томѣ біографіи, и незамѣтно снова заговорили о демоническомъ.

«Въ поэзіи», сказалъ Гете, «есть вообще нѣчто демоническое, и особенно въ безсознательномъ, гдѣ не достаточны ни весь умъ, ни весь разумъ, и которое поэтоу дѣйствуетъ свыше всякаго понятія.

«Оно въ высшей степени свойственно музыкѣ, ибо она стоитъ такъ высоко, что не доступна для ума, и отъ нея исходитъ впечатлѣніе, покоряющее всѣхъ, но въ которомъ никто не въ состояніи дать себѣ отчета. Религіозный культъ также не можетъ обойтись безъ него; оно одно изъ первыхъ средствъ, дабы чудеснымъ образомъ дѣйствовать на людей.

«Поэтому-то демоническое и любить набрасываться на замѣчательныхъ людей, особенно когда они занимаютъ высокое положеніе, какъ Фридрихъ и Петръ Великій.

«Въ покойномъ великомъ герцогѣ оно проявлялось въ такой степени, что никто не могъ противостоятъ ему. Онъ притягивалъ къ себѣ людей простымъ своимъ присутствіемъ, причемъ ему вовсе не надо было являться добрымъ или благосклоннымъ. Все, что онъ предпринималъ по своему усмотрѣнію, ему удавалось; и я въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мнѣ не помогали ни разсудокъ, ни разумъ, обыкновенно спрашивалъ его, что мнѣ дѣлать; онъ отвѣчалъ инстинктивно, и я всегда заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

«Ему хорошо было бы овладѣть моими идеями и высшими стремленіями; ибо, когда его оставлялъ демоническій духъ и въ немъ оставалось одно человѣческое, то онъ не зналъ, что дѣлать, и ему приходилось плохо.

«Равно въ Байронѣ демоническое могло дѣйствовать въ высшей степени, и поэтому онъ обладалъ большими привлекательными свойствами, такъ что ему не могли противостоятъ, особенно женщины».

— Въ идею божества, сказалъ я пытливо, — повидимому не входитъ та дѣйствующая сила, которую мы зовемъ демоническимъ.

— Милое дитя, сказалъ Гете, — что мы знаемъ объ идеѣ божества, и что могутъ выразить наши узкія понятія о высочайшемъ существѣ! Еслибъ я, подобно турку, назвалъ его ста именами, то все же и это было бы недостаточно и ничего бы не выразило по сравненію съ его безконечными свойствами.

Среда, 9-го марта 1831.

Сегодня Гете продолжалъ съ великой похвалою говорить о Вальтеръ Скоттѣ.

«Слишкомъ много читаютъ посредственныхъ вещей», сказалъ онъ, «и теряютъ на нихъ время, и больше изъ этого ничего не выходитъ. Собственно слѣдовало бы читать только то, чему удивляешься, какъ то я дѣлалъ въ юности, и что теперь испытываю на Вальтеръ Скоттѣ. Я теперь началъ читать *Робъ Роя*, и затѣмъ прочту одинъ за другимъ всѣ его лучшіе романы. Тутъ все рѣшительно велико: матеріалъ, содержаніе, характеры, обработка, и затѣмъ безконечное прилежаніе при предварительномъ изученіи, а равно великая правдивость подробностей при исполненіи! Изъ этого видно, что такое англійская исторія, и что значитъ, когда даровитому поэту достается такое наслѣдство. Напротивъ, наша нѣмецкая исторія въ пяти томахъ чистѣйшая нищета, и послѣ *Гетца фонъ-Берлихингенъ* сейчасъ же перешли къ частной жизни и написали *Анесу Бернауэринъ* да *Отто фонъ-Виттельсбахъ*,—что, конечно, не весьма важно».

Я сказалъ, что читаю *Дафниса и Хлою*¹⁾ и притомъ въ переводѣ Куррье. «Это мастерская вещь», сказалъ Гете; «я часто ее читалъ и удивлялся ей; въ ней умъ, искусство и вкусъ являются во всей высотѣ, и предъ ними доброму Виргилію приходится нѣсколько отступить. Описаніе мѣстности совершенно въ Пуссеновскомъ стилѣ; при помощи

¹⁾ *Дафнисъ и Хлоя*, пастушескій романъ греческаго софиста Ланга. Куррье издалъ его вновь въ 1810, причемъ восполнилъ значительный пробѣлъ въ первой части. Ср. ниже подъ 21-мъ мартомъ 1831.

немногихъ чертъ составляется прекрасный фонъ для лицъ.

«Вы знаете, что Куррье нашелъ во Флорентинской библіотекѣ новую рукопись, гдѣ оказалось главное мѣсто поэмы, недостававшее въ прежнихъ изданіяхъ. Я долженъ однако сознаться, что читалъ поэму и удивлялся ей въ неполномъ ея видѣ, не чувствуя и не замѣчая, что самой-то вершины и не достаесть. Это, впрочемъ, свидѣтельствуесть о превосходствѣ поэмы; въ ней все бывшее на лицо такъ удовлетворяло, что не рождалось и мысли о недостающемъ».

Послѣ обѣда Гете показывалъ мнѣ исполненный съ большимъ вкусомъ рисунокъ Кудрэ: двери въ дорнбургскомъ замкѣ, съ латинской надписью, которая приблизительно означаетъ, что входящій будетъ дружественно принятъ и угощенъ, а мимоидущему желаютъ счастливаго пути. Гете перевелъ эту надпись двустипіемъ и поставилъ эпиграфомъ къ своему письму, которое написалъ полковнику фонъ-Бейльвицу лѣтомъ 1828 г., послѣ смерти герцога, когда самъ жилъ въ Дорнбургѣ. Въ то время въ публикѣ много говорили объ этомъ письмѣ, и Гете былъ столь любезенъ, что показалъ мнѣ его вмѣстѣ съ рисункомъ двери.

Я прочелъ письмо съ большимъ интересомъ, и подивился тому, какъ онъ воспользовался мѣстностью дорнбургскаго замка, а также лежащей внизу долиной, чтобъ связать съ ними свои великія воззрѣнія, и притомъ такія, что они могли помочь людямъ оправиться и вновь стать на ноги послѣ случившейся большой потери.

* Четвергъ, 10-го марта 1831.

Сегодня днемъ заходилъ на полчаса къ Гете. Я пришелъ къ нему съ извѣстіемъ, что великая герцогиня рѣшила пожертвовать дирекціи здѣшняго театра тысячу таллеровъ, съ цѣлью вспоможенія для образованія подающихъ надежды молодыхъ талантовъ. Это извѣстіе видимо порадовало Гете, который принимаетъ къ сердцу дальнѣйшіе успѣхи театра.

Затѣмъ я сообщилъ ему другую новость, именно, что великая герцогиня желаетъ призвать въ Веймаръ и дать обезпеченное положеніе тому изъ лучшихъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ писателей, у котораго нѣтъ ни должности, ни состоянія и который принужденъ жить плодами своего таланта; такимъ образомъ, у него была бы возможность дать созрѣть въполнѣ произведенію, а не работать изъ необходимости бѣгло и спѣшно, къ ущербу его собственнаго таланта и литературы.

«Намѣреніе великой герцогини», сказалъ Гете, «поистинѣ царственное, и я преклоняюсь передъ ея благородной мыслью; но будетъ весьма трудно сдѣлать удачный выборъ. Самые замѣчательные изъ нынѣшнихъ талантовъ находятся уже въ обезпеченномъ положеніи, потому что или состоятъ на государственной службѣ, или получаютъ пенсію, или имѣютъ свое состояніе. Притомъ, не всякому удобно жить здѣсь, и не всякому чрезъ это будетъ оказана помощь. Но я буду имѣть въ виду благородное намѣреніе великой герцогини, и посмотрю, не дастъ ли намъ будущее чего нибудь хорошаго».

Четвергъ, 10-го марта 1831.

Сегодня я читалъ съ принцемъ повѣсть Гете о львѣ и тигрѣ; принцъ остался очень доволенъ, получивъ впечатлѣнїе высокаго искусства, и я былъ не менѣе доволенъ, потому что ясно прозрѣвалъ тайную ткань законченнаго произведенія. Я чувствовалъ нѣкоторую вездѣсущность мысли, которая зависѣла отъ того, что поэтъ выносилъ сюжетъ въ душѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и чрезъ то до того овладѣлъ имъ, что одновременно могъ съ величайшей ясностью видѣть, какъ цѣлое, такъ и подробности, и искусство поставить каждую отдѣльную часть на то именно мѣсто, гдѣ она необходима сама по себѣ и въ то же время, предуготовляя послѣдующее, вліяетъ на него. Такимъ образомъ, все связано съ предыдущимъ и послѣдующимъ и стоитъ на должномъ мѣстѣ, и не легко представить себѣ что либо болѣе совершенное относительно расположенія частей. Чѣмъ мы дальше читали, тѣмъ мнѣ сильнѣе желалось, чтобъ самъ Гете могъ посмотрѣть на эту драгоценность между повѣстями, какъ на чужое произведеніе.

Пятница, 11-го марта 1831.

Обѣдалъ у Гете; разнообразныя разговоры. «У Вальтеръ Скотта замѣчательно то», сказалъ Гете, «что описанія подробностей,—въ чемъ онъ мастеръ,—часто приводятъ его къ ошибкамъ. Въ *Айвенго* есть сцена, гдѣ ночью въ залѣ замка сидятъ за ужиномъ, и входитъ незнакомецъ. Совершенно правильно при этомъ начать описаніе сверху, какъ смотритъ незнакомецъ и какъ онъ одѣтъ, но ошибка въ томъ, что онъ описываетъ и его ноги, и баш-

маки, и чулки. Когда вечеромъ сидишь за столомъ и кто-нибудь входитъ, то видишь только верхнюю часть его тѣла. Если же я стану описывать и ноги, то тотчасъ съ тѣмъ вмѣстѣ все освѣщается дневнымъ свѣтомъ и сцена теряетъ ночной характеръ».

Я чувствовалъ убѣдительность его словъ, и вспомнилъ про себя его замѣчаніе. Гете продолжалъ съ удивленіемъ говорить о Вальтеръ Скоттѣ. Я совѣтовалъ ему изложить письменно его взглядъ, но онъ отклонилъ это, замѣтивъ что искусство у названнаго писателя столь высоко, что о немъ трудно говорить печатно.

Понедѣльникъ, 14-го марта 1831.

Обѣдалъ у Гете. Мнѣ пришлось разсказать ему о *Нимой изъ Портичи*¹⁾, которую давали третьяго дня, и я замѣтилъ, что въ ней собственно не выставлено никакихъ причинъ для революціи, и что это нравится, потому что всякій наполняетъ пустое мѣсто тѣми причинами, которыя существуютъ въ его городѣ и на его родинѣ. «Вся опера», сказалъ Гете, «въ сущности сатира на народъ, потому что народъ, считающій любовныя приключенія дочери рыбака общественнымъ дѣломъ и называющій принца тираномъ за то, что онъ женится на принцессѣ,—глупъ и смѣшонъ до крайности».

За десертомъ Гете показывалъ мнѣ рисунки съ подписями на берлинскомъ нарѣчій, гдѣ встрѣчаются очень смѣшныя вещи; при этомъ была похвалена умѣренность художника сумѣвшаго не впасть въ карриатуру.

¹⁾ Опера Обера, извѣстная у насъ болѣе подъ именемъ *Фенеллы*.